

Блуждающая Земля

Автор:

Лю Цысинь

Блуждающая Земля

Лю Цысинь

Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

Заглавная повесть «Блуждающая Земля» – литературная основа фильма-блокбастера, купленного стриминговым сервисом Netflix.

Десять историй, включая пять произведений-лауреатов китайской премии «Галактика», являются ослепительно оригинальной одой планете Земля, ее прошлому и будущему. С меланхоличным, но острым пониманием человеческой природы Лю показывает попытки человечества понять, найти себя и, прежде всего, выжить в пустоте космоса. Лю Цысинь переносит читателя на край вселенной и в конец времен, чтобы рассказать о людях с судьбой, которую мы никогда не смогли бы себе представить.

Лю Цысинь

Блуждающая Земля

© Н. Ибрагимова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Блуждающая Земля

Глава 1

Эра торможения

Я никогда не видел ночи. Я никогда не видел звезд. Я никогда не видел весны, осени и зимы. Я родился, когда закончилась Эра торможения, когда Земля перестала вращаться.

На то, чтобы остановить вращение Земли, ушло сорок два года, на три года больше, чем планировала Коалиция. Мать рассказывала мне о том времени, когда наша семья наблюдала последний закат солнца. Солнце опускалось очень медленно; оно словно прилипло к горизонту. Прошло три дня и три ночи, пока оно окончательно закатилось. Конечно, после этого уже не было ни «дня», ни «ночи». Восточное полушарие надолго окутали постоянные сумерки, лет на десять, наверное. Солнце стояло чуть ниже линии горизонта, его сияние озаряло половину неба. Во время того бесконечного заката я и родился.

Сумерки – это не темнота. Двигатели Земли ярко освещали все Северное полушарие. Они были установлены на всей территории Азии и Северной Америки, так как только прочная основа из тектонических плит этих континентов могла выдержать чудовищную тягу, которую они развивали. Всего на равнинах Евразии и Северной Америки разместили двенадцать тысяч двигателей.

С того места, где я жил, были видны яркие плазменные лучи сотен двигателей. Представьте себе огромный дворец, размером с Пантеон или Акрополь. Внутри этого дворца к сводчатому потолку возносятся бесчисленные массивные колонны, каждая из которых сверкает бело-голубым светом флуоресцентной лампы. А ты... ты просто микроб на полу того дворца. Таким был тот мир, в котором я жил. Собственно говоря, это не совсем точное описание. Именно касательный компонент тяги двигателей останавливал вращение Земли.

Поэтому сопла двигателей необходимо было очень точно сориентировать, чтобы массивные лучи под определенными углами прорезали небо. Возникало впечатление, что громадный дворец, в котором мы живем, готов в любой момент рухнуть! Когда приезжие из Южного полушария видели эту картину, многие испытывали приступы паники.

Но еще больший, чем вид двигателей, ужас вызывал обжигающий жар, который исходил от них. Температура поднималась до семидесяти и даже восьмидесяти градусов по Цельсию, вынуждая людей надевать скафандры с охлаждением перед выходом из помещения. Жара часто порождала штормы и ливни. Когда луч плазмы пронзал темные тучи, зрелище было кошмарным. Тучи рассеивали бело-голубой свет, создавая неистовые, пульсирующие, радужные гало. Все небо сияло, словно покрытое раскаленной добела лавой. Мой дедушка в старости впал в маразм. Однажды, измученный невыносимой жарой, он так обрадовался налетевшему ливню, что разделся по пояс и выбежал из дома. Мы не успели вовремя его остановить. Раскаленные лучи плазмы нагрели дождевые капли до температуры кипения, и он так обжег кожу, что она слезала с него большими кусками.

Для моего поколения, родившегося в Северном полушарии, все это было совершенно естественным, как естественно было видеть Солнце, звезды и Луну тем, кто жил до Эры торможения. Мы называли тот период человеческой истории Солнечной эрой, и это был поистине золотой век!

Когда я поступил в начальную школу, в рамках учебной программы наши учителя организовали для тридцати учеников нашего класса кругосветное путешествие. К тому моменту Земля уже совсем перестала вращаться. Двигатели Земли только поддерживали это неподвижное состояние и использовали только для внесения небольших исправлений в ориентацию планеты. Из-за этого три года, от трех до шести моих лет, яркость лучей плазмы была не столь интенсивной, чем в то время, когда они работали на полную мощность. Именно в тот период снижения их активности мы смогли совершить путешествие, чтобы лучше понять наш мир.

Сначала мы вблизи рассмотрели один из двигателей Земли. Он был расположен недалеко от Шицзячжуана, у входа в железнодорожный туннель, проложенный сквозь Тайханшаньские горы. Огромная металлическая гора возвышалась над нами, заполнив полнеба. На западе Тайханшаньский хребет казался грядой невысоких холмов. Некоторые дети восклицали, что он должен быть высоким,

как Эверест. Нашим завучем была хорошенькая молодая женщина мисс Стелла. Она рассмеялась и сообщила нам, что высота двигателя равна одиннадцати тысячам метров, на две тысячи метров больше, чем Эверест.

– Его называют «Паяльной лампой Бога», – сказала она. Мы стояли в его огромной тени и чувствовали, как от вибрации дрожит земля.

Существовало два основных типа Двигателей Земли. Более крупные называли «горами», а меньшие «пиками». Мы поднялись на Северо-Китайскую гору 794. Восхождение на горы требовало гораздо больше времени, чем подъем на пики. На вершину пика можно было подняться на гигантском лифте, а к вершине горы требовалось ехать по длинному серпантину. Наш автобус присоединился к бесконечной процессии машин, ползущих вверх по гладкой стальной дороге. Слева от автобуса мы видели только лазурную металлическую поверхность; справа зияла бездонная пропасть.

Большинство машин на этой дороге представляли собой массивные пятидесятитонные мусоровозы, груженные камнями с гор Тайханшаня. Наш автобус быстро достиг уровня пять тысяч метров. С такой высоты земля казалась бесцветной и ровной, залитой голубоватым сиянием Двигателя Земли. Мисс Стелла велела нам надеть кислородные маски. По мере приближения к отверстию плазменного луча свет и жар быстро нарастали. Наши маски потемнели, а микрокомпрессоры охлаждающих скафандров ожили и зажужжали. На высоте шесть тысяч метров мы увидели порт для приема топлива. Один за другим грузовики сваливали свой груз камней в красный огонь зияющего провала, который беззвучно поглощал их. Я спросил у мисс Стеллы, как Двигатели Земли превращают камни в топливо.

– Синтез тяжелых элементов – трудный раздел науки, слишком сложный, я не смогу объяснить его тебе в твоем возрасте, – ответила она. – Тебе нужно понять только вот что: Двигатели Земли – это самые большие механизмы, когда-либо построенные человечеством. Например, Северо-Китайская гора 794, на которой мы сейчас стоим, создает пятнадцать миллиардов тонн тяги для Земли при работе на максимальной мощности.

Наконец наш автобус добрался до вершины. Выходное отверстие луча плазмы находилось прямо над нами. Диаметр луча был таким огромным, что, когда мы подняли головы, то увидели только сверкающую стену голубой плазмы, которая уходила в бесконечное небо. В тот момент я вдруг вспомнил загадку, которую

загадал нам наш учитель философии.

– Вы идете по равнине и вдруг натываетесь на стену, – сказал нам учитель. – Эта стена бесконечно высока и уходит бесконечно глубоко в землю. Она тянется бесконечно далеко вправо и влево. Что это такое?

Меня охватила леденящая дрожь. Я пересказал эту загадку мисс Стелле, сидящей рядом со мной. Она некоторое время обдумывала ее, но в конце концов озадаченно покачала головой. Я ближе придвинулся к ней и прошептал ей на ухо ужасный ответ:

– Это смерть.

Она несколько секунд молча смотрела на меня, потом крепко прижала к себе. Положив голову ей на плечо, я смотрел вдаль. Гигантские металлические пики усеивали туманную землю внизу, они тянулись до самого горизонта. Каждый пик выбрасывал из себя сверкающую струю плазмы, эти струи пронзали наше качающееся небо, подобно падающему космическому лесу.

Вскоре после этого мы приехали на берег моря. Мы увидели шпили затонувших небоскребов, торчащие из волн. Под напором прилива пенящаяся морская вода выплескивалась из их бесчисленных окон, образуя водопады. Еще до окончания Эры торможения ее влияние на Землю стало ужасающе очевидным. Приливы, созданные ускорением Двигателей Земли, затопили две трети крупных городов Северного полушария. Потом повышение глобальной температуры растопило шапки полярных льдов, и это превратило наводнения в катастрофу, захватившую и Южное полушарие. Тридцать лет назад мой дед стал свидетелем того, как гигантские стометровые волны затопили Шанхай. Даже сейчас, описывая это зрелище, он неподвижным взглядом смотрит в пространство. Фактически наша планета уже изменилась до неузнаваемости еще до того, как отправилась в путешествие. Кто тогда знал, какие тяжелые испытания ждут нас во время бесконечного путешествия в открытом космосе?

Мы поднялись на борт так называемого океанского лайнера – древнего транспортного средства – и отчалили от берега. Лучи плазмы Двигателей Земли у нас за спиной становились все более далекими. После первого дня плавания они совсем пропали из виду. Море заливал свет от двух разных источников. На западе лучи плазмы по-прежнему освещали небо призрачным голубым светом;

на востоке розовый солнечный свет поднимался над горизонтом. Противоборствующие лучи делили море на две половины, а наш корабль плыл прямо вдоль сверкающей границы их соприкосновения на его глади. Зрелище было фантастическое. Но по мере того как голубое свечение отступало, а розовое сияние нарастало, на корабле росла тревога. Мы с одноклассниками уже не поднимались на палубу. Мы прятались в своих каютах с плотно зашторенными иллюминаторами. Через день наступил тот момент, которого мы боялись больше всего. Нас всех собрали в большой каюте, служившей нам классной комнатой, чтобы выслушать объявление мисс Стеллы.

- Дети, - торжественно произнесла она, - мы сейчас пойдем смотреть на восход Солнца.

Никто не шевелился. Наши глаза неподвижно уставились в пространство, словно внезапно прикованные к одной точке. Мисс Стелла пыталась заставить нас выйти из каюты, но все сидели неподвижно. Один из ее коллег заметил:

- Я говорил об этом раньше, но нам действительно надо было запланировать путешествие «Знакомство с Землей» до того, как они начнут изучать современную историю. Учащиеся лучше адаптировались бы.

- Все не так просто, - ответила мисс Стелла. - Они узнают обо всем, глядя на окружающий мир, задолго до того, как мы начинаем преподавать им современную историю. - Она повернулась к старостам классов. - Вы, дети, пойдете первыми. Не бойтесь. Когда я была ребенком, я тоже нервничала перед тем, как увидела первый восход Солнца. Но после того как я увидела его, со мной все было в порядке.

В конце концов мы встали и один за другим вышли из каюты. Я внезапно почувствовал, как маленькая влажная ладошка сжала мою руку, оглянулся и увидел Линьгэ.

- Мне страшно... - всхлипнула она.

- Мы уже видели Солнце по телевизору. Это то же самое, - заверил я ее.

- Как это возможно? Разве увидеть змею по телевизору - то же самое, что увидеть ее живьем?

Я не знал, что ответить.

– Ну, нам все равно придется пойти и посмотреть. Иначе нам снизят оценки!

Мы с Линьгэ крепко взялись за руки и осторожно поднялись на палубу вместе с остальными детьми. Выйдя наружу, мы приготовились увидеть наш первый восход Солнца.

– В действительности мы начали бояться Солнца три или четыре столетия назад. До этого Солнце людей не пугало. Совсем наоборот. На их взгляд, Солнце было великодушным и величественным. Земля тогда еще вращалась вокруг своей оси, и люди каждый день видели его восход и закат. Они радовались восходу и прославляли красоту заката, – рассказывала мисс Стелла, которая стояла на носу корабля, и морской бриз играл с ее длинными волосами. За спиной учительницы первые лучи солнечного света взлетели над горизонтом подобно струе воды из дыхала какого-нибудь невообразимо огромного морского животного.

Наконец мы увидели язык пламени, от которого у нас сердце замерло. Сначала он был всего лишь точкой света на горизонте, но быстро вырос и превратился в сверкающую арку. Я почувствовал, как у меня от ужаса перехватило дыхание. Казалось, что палуба под моими ногами внезапно исчезла. Я падал в черноту моря, падал... Линьгэ падала вместе со мной, ее худенькое тельце дрожало, прижимаясь ко мне. Наши одноклассники и все остальные – весь мир, – все падало в пропасть. Потом я вспомнил загадку. Я спросил тогда у нашего учителя философии, какого цвета та стена. Он мне ответил, что она черная. Я подумал, что он ошибся. Я всегда представлял себе стену смерти белоснежной, как свежесвыпавший снег. Вот почему я вспомнил о ней, когда увидел стену плазмы. В нашу эпоху смерть уже не была черной. Она была сверканием вспышки молнии, и с последней вспышкой молнии наш мир испарится в одно мгновение.

Более трех столетий назад астрофизики обнаружили, что скорость превращения водорода в гелий внутри Солнца растет. Они запустили тысячи зондов прямо в Солнце, чтобы исследовать его, и в результате построили точную математическую модель звезды.

Применив эту модель, суперкомпьютеры рассчитали, что Солнце уже отклонилось в своем развитии от главной последовательности диаграммы

Герцшпрунга – Рассела. Гелий вскоре проникнет в ядро Солнца и вызовет разрушительный взрыв, так называемую гелиевую вспышку. После этого Солнце превратится в массивный низкотемпературный красный гигант, который будет расти, пока его диаметр не превысит орбиту Земли.

Но наша планета испарилась бы во время предшествующей этому гелиевой вспышки задолго до этого.

Все это, как предполагали, произойдет в течение следующих четырехсот лет. С тех пор прошло триста восемьдесят лет.

Эта солнечная катастрофа не только уничтожила бы и поглотила бы все обитаемые планеты Солнечной системы, она также полностью изменила бы состав и орбиты планет-гигантов. После первой гелиевой вспышки, когда тяжелые элементы снова собрались бы в солнечном ядре, в течение некоторого времени происходили бы повторные неконтролируемые ядерные взрывы. Хотя этот период представляет собой лишь короткую фазу эволюции звезд, он может продолжаться в тысячи раз дольше, чем вся история человечества. Если человечество останется в Солнечной системе, у нас нет шансов пережить такую катастрофу. Единственным выходом для нас была межзвездная эмиграция. При уровне технологии, доступной человечеству в то время, единственной видимой целью такой миграции была Проксима Центавра. Эта звезда ближе всех других к нашей, до нее всего четыре с половиной световых года. Достигнуть консенсуса в вопросе о пункте назначения было достаточно просто, реальные разногласия возникли в вопросе о том, как туда добраться.

Чтобы подкрепить урок, наш корабль дважды переплыл Тихий океан и показал нам два восхода солнца. К тому времени мы привыкли к этому зрелищу, и нас уже не надо было убеждать, что дети, родившиеся в Северном полушарии, могут уцелеть, ежедневно подвергаясь воздействию Солнца. Мы плыли дальше в рассвет. Солнце поднималось все выше на небе, и прохладный океанский воздух нескольких последних дней отступал, температура начала повышаться. Я погружался в сон в своей каюте, когда услышал снаружи какой-то шум. Дверь приоткрылась, и Линьгэ просунула голову в каюту.

– Эй, Планетники и Звездолетники[1 - Планетники – сторонники идеи превращения Земли в космический корабль. Звездолетники выступают за то, чтобы эвакуироваться с Земли на специально построенных звездолетах.] опять дерутся!

Мне было наплевать на них. Они сражались друг с другом последние четыреста лет. Но я все же поднялся, чтобы взглянуть. Снаружи группа мальчишек устроила драку. С одного взгляда стало понятно, что Тун снова взялся за свои обычные проделки. Его отец был упорным Звездолетником и до сих пор отсиживал срок в тюрьме за участие в восстании против Коалиции. Тун пошел по стопам своего отца.

С помощью нескольких крепких матросов мисс Стелле удалось растащить дерущихся. Несмотря на текущую из носа кровь, Тун поднял кулак и закричал:

- Выбросим Планетников за борт!

- Я тоже Планетница. Ты хочешь и меня выбросить за борт? - спросила мисс Стелла.

- Я выброшу за борт всех Планетников до единого! - Тун не желал сдаваться.

В последнее время Звездолетников поддерживало все больше жителей Земли, и они снова стали неуправляемыми.

- Почему вы так нас ненавидите? - спросила мисс Стелла. Несколько детей-Звездолетников тут же протестующе закричали:

- Мы не станем ждать смерти на Земле вместе с вами, глупыми Планетниками!

- Мы построим космические корабли и улетим! Да здравствуют космические корабли!

Мисс Стелла включила голографический проектор на своем запястье. Тут же в воздухе перед нами возникло изображение, которое приковало наше внимание. Мы на мгновение затихли. Голограмма представляла собой прозрачный хрустальный шар. Он был примерно десять сантиметров в диаметре и на две трети заполнен водой. В нем находились маленькая креветка, веточка коралла и обрывок зеленой водоросли. Креветка лениво плавала вокруг коралла.

- Это проект, который Тун делал для урока естествознания, - сказала мисс Стелла. - Кроме того, что вы все здесь видите, в этом шаре находятся

микроскопические бактерии. Все, что внутри него, зависит друг от друга. Креветка питается водорослями и извлекает кислород из воды, а потом выделяет органические вещества в виде своих отходов и выдыхает углекислый газ. Бактерии разлагают отходы креветки на неорганические вещества. Затем водоросли используют эти неорганические вещества и углекислый газ для фотосинтеза под источником искусственного освещения. Они создают питательные вещества, растут и размножаются, и выделяют кислород для дыхания креветки. Пока имеется постоянный источник солнечного света, экологический цикл в стеклянном шаре сможет постоянно поддерживать жизнь внутри. Это лучший ученический проект из всех, что я видела. Я понимаю, что этот шар олицетворяет мечту Туна и мечты всех детей-Звездолетников. Это тот самый космический корабль в миниатюре, о котором вы мечтаете! Тун мне рассказал, что он создал его на базе точных математических моделей. Он модифицировал гены каждого организма и добился того, что их метаболизм идеально сбалансирован. Он твердо уверен, что маленький мир внутри шара будет существовать, пока креветка не достигнет естественного конца своего жизненного цикла. Все учителя были в восторге от этого проекта. Мы поместили его под источник искусственного света необходимой интенсивности. Нас убедил прогноз Туна, и мы молча желали успеха крошечному миру, который он создал. Но сейчас, меньше, чем через две недели...

Мисс Стелла осторожно достала реальный стеклянный шар из маленького ящичка. Креветка безжизненно плавала на поверхности мутной воды. Гниющие водоросли перестали быть зелеными и превратились в мертвую, мохнатую пленку, покрывшую коралл.

– Этот маленький мир мертв. Дети, кто сможет объяснить мне почему? – Мисс Стелла подняла безжизненный шар вверх, чтобы все его видели.

– Он был слишком маленьким!

– Действительно он был слишком маленьким. Такие маленькие экосистемы, как эта, как бы точно они ни были спроектированы, не выдерживают течения времени. Космические корабли Звездолетников не станут исключением.

– Мы построим корабли величиной с Шанхай или Нью-Йорк, – возразил Тун, но его голос звучал гораздо тише, чем прежде.

– Да, но все, что будет больше, выходит за пределы технологии, доступной человечеству, и по сравнению с Землей такие экосистемы все равно будут слишком малы.

– Тогда мы найдем новую планету!

– Даже вы сами не верите в это, – ответила мисс Стелла. – На орбите Проксимы Центавра нет подходящих планет. Ближайшая обнаруженная звезда с пригодными для жизни планетами находится на расстоянии восьмисот пятидесяти световых лет от нас. В настоящее время самый быстрый космический корабль, который мы в состоянии построить, способен развить скорость, равную 0,5 процента скорости света, а это значит, что нам потребуется сто семьдесят тысяч лет, чтобы долететь туда. Экосистема размером с космический корабль не выдержит даже одной десятой такого путешествия. Дети, только экосистема размером с Землю с непрерывным экологическим циклом сможет обеспечить нам бесконечно долгое существование! Если человечество оставит Землю, – заявила она, – мы станем уязвимыми, как младенец, разлученный с матерью посреди пустыни!

– Но... – Тун помолчал. – Мисс Стелла, у нас уже нет времени, и у Земли его нет. Солнце взорвется раньше, чем мы разгонимся и улетим достаточно далеко от него!

– Времени осталось достаточно, – твердо ответила она. – Вы должны верить в Коалицию! Сколько раз я вам говорила? Даже если вы не верите, мы, по крайней мере, можем сказать: человечество умрет гордо, потому что мы сделали все, что могли!

Процесс спасения человечества состоял из пяти этапов. Сначала Двигатели Земли генерируют тягу в направлении, противоположном движению Земли, останавливая ее вращение. На втором этапе, развив максимальную мощность, двигатели будут разгонять Землю до тех пор, пока она не достигнет второй космической скорости и не выйдет за пределы Солнечной системы. На третьем этапе Земля будет продолжать наращивать ускорение во время полета в открытом космосе к Проксиме Центавра. На четвертом – двигатели начнут работать в противоположном направлении, снова запустят вращение Земли и постепенно начнут снижать ее скорость. На пятом – Земля выйдет на орбиту вокруг Проксимы Центавра и станет ее спутником. Люди назвали эти пять этапов «Эрой торможения», «Эрой покидания», «Эрой первого странствия»

(период ускорения), «Эрой второго странствия» (период нового торможения) и «Эрой нового солнца».

Планировалось, что весь процесс миграции будет продолжаться 2500 лет, на протяжении жизни более ста поколений.

Океанский лайнер продолжал плыть к той части Земли, которая окутана ночной тьмой. Ни солнечный свет, ни свет от лучей плазмы не проникал туда. Наши лица покалывал холодный ветер Атлантики, когда мы впервые в жизни увидели звезды в ночном небе. Боже, это было потрясающее зрелище! Мисс Стелла стояла, одной рукой обнимая Линьгэ и меня.

– Смотрите, дети, – сказала она, указывая на звезды другой. – Вон Центавр, а это Проксима Центавра, наш новый дом! – Она заплакала, и мы плакали вместе с ней. У всех, стоящих вокруг нас, даже у капитана и его команды – закаленных моряков – на глаза навернулись слезы. Полными слез глазами все смотрели туда, куда указывала мисс Стелла, а звезды расплывались и плясали. Только одна звезда оставалась неподвижной; то был луч далекого маяка над темным штормовым морем, искорка света, манящая одинокого путешественника, замерзающего в тундре. Эта звезда заняла место Солнца в наших сердцах. Она была единственным оплотом надежды для ста грядущих поколений, пока они плыли по бурному морю бедствий.

* * *

Во время обратного путешествия я увидел первый сигнал отправления для Земли. Гигантская комета появилась в ночном небе – Луна. Так как мы не могли взять с собой Луну, на ее поверхности установили двигатели, чтобы убрать ее с орбиты вокруг Земли и не допустить их столкновения в период ускорения. пышный хвост Двигателей Луны заливал море голубым светом, затмевая звезды. Притяжение Луны, проходящей мимо, подняло огромные волны. Нам пришлось пересесть на самолет и лететь домой, на Северное полушарие.

Наконец наступил день отправления!

Как только мы высадились, нас ослепило сияние Двигателей Земли. Их лучи сверкали во много раз ярче, чем раньше, и уже не под углом к поверхности

Земли, а были направлены прямо в небо. Двигатели работали на полной мощности. Ускорение планеты породило стометровые волны, с грохотом обрушившиеся на все континенты. Разрушительные ураганы с воем неслись сквозь вздымающиеся колонны плазмы, взбивая кипящую пену и с корнем вырывая целые леса... Наша планета превратилась в гигантскую комету, ее голубой хвост пронизал темноту космоса.

Земля тронулась в путь; человечество тронулось в путь.

Мой дедушка умер перед самым отправлением, его обожженное тело погубила инфекция. В последние мгновения жизни он повторял снова и снова одно и то же:

– Ах, Земля, моя странствующая Земля...

Глава 2

Эра покидания

Нашей школе было предписано переехать в подземный город, и мы оказались одними из его первых жителей. Наш школьный автобус въехал в громадный туннель, который полого спускался в недра земли. После получаса езды нам сообщили, что мы въехали в город, но ничто за окнами автобуса не походило на один из тех городов, которые я видел раньше. Мы проносились мимо лабиринта боковых туннелей поменьше и бесчисленных герметичных дверей в нишах стен. В лучах прожекторов, установленных на потолке туннеля, все приобретало свинцово-синий оттенок. Нас невольно охватило уныние от осознания того, что большую часть оставшейся нам жизни мы проведем в этом мире.

– Первобытные люди жили в пещерах, а теперь и мы тоже будем так жить, – Линьгэ произнесла это тихо, но мисс Стелла все же услышала ее слова.

– Ничего не поделаешь, дети, – вздохнула она. – Поверхность скоро станет ужасным местом. В холодное время ваш плевок замерзнет раньше, чем упадет на землю. В жару он испарится, едва сорвавшись с ваших губ.

– Я знаю, что станет холодно, потому что Земля полетит прочь от Солнца, но почему станет жарко? – спросила ученица одного из младших классов.

– Идиотка, разве ты не изучала переходные орбиты? – резко спросил я.

– Нет.

Линьгэ принялась терпеливо ей объяснять, словно для того, чтобы развеять свои собственные грустные мысли.

– Дело обстоит так: Двигатели Земли не такие мощные, как ты думаешь. Они могут немного разогнать Землю, но не могут просто вытолкнуть ее прямо за пределы солнечной орбиты. Прежде чем Земля уйдет от Солнца, нам нужно будет еще пятнадцать раз пройти по орбите вокруг него! Двигаясь по этим пятнадцати орбитам, Земля постепенно будет наращивать скорость. Сейчас орбита Земли вокруг Солнца почти круговая, но по мере увеличения скорости она будет становиться все более эллиптической. Чем быстрее мы будем двигаться, тем более вытянутым станет эллипс и тем больше Солнце будет смещаться к одному концу орбиты. И когда Земля будет находиться дальше всего от Солнца, естественно, будет очень холодно...

– Но... Это все равно неправильно! Когда Земля окажется далеко от Солнца, будет холодно, ее расстояние от Солнца будет... Гм, давайте подумать. – Девочка пожевала губку. – Динамика орбиты говорит, что Земля не приблизится к Солнцу на меньшее расстояние, чем сейчас, так почему же станет жарче?

Она поистине была маленьким гением. Сегодня гениальная инженерия превратила в норму такую необыкновенную память. В этом отношении человечеству повезло. Иначе невообразимые чудеса, например Двигатели Земли, невозможно было бы сделать реальностью всего за четыреста лет.

– Не забудь о Двигателях Земли, глупая, – вмешался я. – Больше десяти тысяч этих гигантских паяльных ламп работают на полную мощность. Земля, в сущности, – просто кольцо, которое держит эти ракетные сопла. А теперь помолчи. Ты меня раздражаешь.

* * *

Мы начали новую жизнь под землей. В нашем городе, в пятистах метрах ниже поверхности земли, хватало места для миллиона с небольшим жителей. Много других городов, точно таких же, находилось в разных местах на всех континентах. Здесь я окончил младшую школу и поступил в среднюю. Я сосредоточился на изучении естественных наук и техники. Искусство, философия и другие предметы, которые считались несущественными, были сведены к минимуму или исключены из программы школы. У человечества не было времени, чтобы отвлекаться на них. Все должны были выполнять свою работу, и конца ей не предвиделось. Интересно, что все мировые религии бесследно исчезли за одну ночь. Люди в конце концов осознали, что если Бог действительно существует, то он просто негодяй. Мы все еще изучали историю, но нам Солнечная эра человеческой истории казалась таким же мифом, как Сад Эдема.

Мой отец служил астронавтом военно-воздушных сил. Он часто совершал полеты на низкую околоземную орбиту и редко бывал дома. Помню, на пятый год орбитального ускорения, когда Земля была в афелии, мы всей семьей совершили поездку на море. День афелии был праздничным днем, как Новый год или Рождество. Когда Земля оказалась в самой удаленной от Солнца части своей орбиты, всех охватила радость от ложного ощущения безопасности. Нам все-таки необходимо было носить особые термальные скафандры, выходя на поверхность. Вместо охлаждающих мы надевали обогревающие скафандры, работающие на ядерных батареях. Снаружи мы почти слепли от мощных лучей Двигателей Земли, вознесшихся над Землей. Их резкий свет мешал нам рассмотреть поверхность планеты, и трудно было сказать, изменился ли ландшафт. Нам пришлось долго лететь в нашей машине, прежде чем мы избавились от этого сияния и нам удалось увидеть морской берег. Солнце съежилось до размеров бейсбольного мяча. Оно неподвижно висело в небе, окруженное тусклым ореолом, как во время восхода. Небо имело такой темно-синий цвет, какого мы никогда не видели, и звезды были ясно видны. Оглянувшись вокруг, я вдруг удивился, куда пропал океан. Теперь до самого горизонта простиралась обширная, белая, ледяная равнина. На замерзшем море собралась большая толпа гуляющих. В темноте со свистом взлетали фейерверки. Все необычайно самозабвенно кутили и веселились. Пьяные гуляки катались по льду, некоторые выкрикивали слова десятка разных песен, стараясь перекричать голоса других певцов вокруг.

– Несмотря на все, каждый живет своей собственной жизнью. В этом нет ничего плохого, – с одобрением произнес отец. Он замолчал, внезапно что-то

вспомнив. – Ох, я забыл вам сказать – я влюбился в Стеллу Ли. Хочу переехать от вас и жить вместе с ней.

– Кто она? – спокойно спросила моя мать.

– Моя учительница из начальной школы, – ответил я за него.

Я начал учиться в средней школе два года назад и понятия не имел, откуда мой отец знает мисс Стеллу. Может быть, они познакомились на моей выпускной церемонии?

– Тогда переезжай, – сказала мать.

– Я уверен, что она мне быстро надоест. Тогда я вернусь. Ты не возражаешь?

– Если ты хочешь этого – конечно. – Ее голос был таким же спокойным и ровным, как замерзшее море. Но через мгновение она уже искрилась от волнения. – О, как красиво! Должно быть, там, внутри, голографический дифрактор! – Она показала рукой на фейерверк, расцветающий в ночном небе, искренне пораженная его красотой.

Кинофильмы и романы, созданные четыреста лет назад, приводили в замешательство современных зрителей и читателей. Нам было совершенно непонятно, почему люди Солнечной эры так много вкладывали эмоций, не имеющих отношения к выживанию. Видеть, как герой или героиня страдают или рыдают из-за любви, было непостижимо. В наши дни, в нашу эпоху, угроза смерти и стремление спастись побеждали все остальное. Ничто, кроме последних новостей о состоянии Солнца и позиции Земли, нас не могло тронуть или хотя бы привлечь наше внимание. Такая чрезмерная сосредоточенность на этих вопросах постепенно изменила сущность человеческой психологии и духовности. Люди мало обращали внимания на дела сердечные, подобно тому, как азартный игрок пьет воду, не в состоянии оторвать глаз от колеса рулетки.

Через два месяца мой отец вернулся после короткого проживания вместе с мисс Стеллой. Мою мать его возвращение не обрадовало и не опечалило.

– Ты произвел на Стеллу хорошее впечатление, – сказал мне отец. – Она сказала, что ты очень креативный ученик.

– Кто это сказал? – спросила моя мать озадаченно.

– Учительница начальной школы, мисс Стелла, – нетерпеливо ответил я. – Папа жил с ней последние два месяца!

– О, я вспомнила! – Она покачала головой и рассмеялась. – Мне еще и сорока нет, а память уже подводит.

Она подняла взгляд на голографические звезды на потолке и на лес на стенах.

– Хорошо, что ты уже дома. Теперь можешь выключить эти картинки. Нам с твоим сыном до смерти надоело смотреть на них, но мы не знаем, как это проклятая штука работает.

К тому времени, когда Земля начала снова двигаться в сторону Солнца, мы все совершенно забыли об этом эпизоде.

* * *

Однажды в новостях сообщили, что океан начал таять, и мы всей семьей снова отправились на побережье. Земля как раз пересекала орбиту Марса. Достающийся Земле свет Солнца не должен был значительно повысить температуру, но Двигатели Земли достаточно нагревали ее поверхность, чтобы растопить льды моря. Как чудесно было выходить наружу без неуклюжего термального скафандра. Двигатели Земли по-прежнему освещали небо нашего полушария, но на другой стороне планеты люди по-настоящему почувствовали приближение Солнца. Их небо было голубым, ясным и чистым, а Солнце светило так же ярко, как до отлета. Но с воздуха мы не заметили никаких признаков таяния. Мы видели только белую бескрайнюю ледяную пустыню. Разочарованные, мы вышли из машины. В тот момент, когда мы закрывали дверцы, мы услышали рокот, как от землетрясения, который, казалось, шел из глубины самой планеты. Казалось, будто Земля вот-вот взорвется.

– Это шум океана! – закричал отец, перекрывая рокот. – Резкое повышение температуры неравномерно нагревает толщу льда – это похоже на землетрясение на суше!

Внезапно этот низкий рокот прорезал резкий звук, похожий на удар грома, что вызвало радостные крики зрителей, стоящих позади нас и наблюдающих за морем. Я увидел, как появилась длинная трещина, прорезавшая замерзший океан подобно черной молнии. Рокот продолжался, и на льду появилось еще больше трещин. Из трещин хлынула вода, и ее потоки залили ледяную равнину.

По дороге домой мы из окон смотрели на пустынную землю внизу и видели широкие полосы диких трав, выросших из земли. Всевозможные цветы цвели пышным цветом, увядшие леса покрылись нежно-зелеными листьями. Жизнь взялась за дело обновления, как будто ей нельзя было терять время.

С каждым днем Земля все ближе подлетала к Солнцу, и сердца наши все больше сжимались от страха. Все меньше людей поднимались на поверхность полюбоваться весенним пейзажем. Большинство пряталось в подземной глубине не для того, чтобы укрыться от приближающегося жара, потоков дождя и ураганных ветров, а чтобы спастись от медленно наползающего ужаса перед Солнцем. Однажды ночью, когда я уже лег спать, я подслушал, как мать тихим голосом сказала отцу:

– Может, и правда уже слишком поздно.

– Такие же слухи ходили в течение последних четырех перигелиев, – ответил он.

– Но на этот раз это правда, – настаивала она. – Я слышала это от доктора Чандлер. Ее муж работает астрономом в Комиссии по навигации. Вы все его знаете. Он сказал ей, что они наблюдают ускоренный рост концентрации гелия.

– Послушай, моя дорогая, мы не должны терять надежду. Не потому, что надежда реальна, а потому, что мы должны вести себя, как подобает благородным людям. В Солнечную эру благородство предполагало богатство, власть или талант, а теперь нужна только надежда. Это золото и драгоценность нашего времени. Не важно, как долго мы проживем, мы должны сохранять ее! Завтра мы скажем то же самое нашему сыну!

Как и все остальные, я чувствовал беспокойство и тревогу по мере приближения перигелия. Однажды после уроков я оказался на центральной площади города. Я стоял возле круглого фонтана на середине площади и смотрел на сверкающую воду бассейна, потом на воздушные переливы света на куполе потолка. В этот момент я увидел Линьгэ. Она держала в руке маленькую бутылочку, а в другой – короткую трубочку. Она выдувала мыльные пузыри, ее глаза пристально следили за каждой цепочкой пузырьков, улетающих прочь. Смотрела, как они исчезали один за другим, потом выдувала следующую цепочку.

– Ты все еще любишь выдувать мыльные пузыри в твоем возрасте? – спросил я, подходя к ней.

Кажется, Линьгэ обрадовалась при виде меня.

– Давай совершим путешествие!

– Путешествие? Куда?

– На поверхность, конечно! – Она провела рукой по воздуху и при помощи компьютера на запястье создала голограмму пляжа на закате. Легкий бриз шевелил листья пальм, а белые волны прибоя набегали на берег. Пары влюбленных усеяли желтый песок, черные силуэты на фоне моря в золотистых искрах. – Мне это прислали Мона и Даган. Они путешествуют по всему миру. Говорят, что на поверхности не очень жарко. Снаружи так хорошо! Поехали!

– Их только что исключили за то, что они пропускали занятия, – возразил я.

Линьгэ фыркнула.

– Ты не этого боишься на самом деле. Ты боишься Солнца!

– А ты нет? Тебе приходилось посещать психиатра из-за своей гелиофобии.

– Теперь я стала другой. Меня посетило вдохновение! Смотри, – сказала Линьгэ и выдула еще одну цепочку мыльных пузырей. – Смотри внимательно. – Она показала на пузыри.

Я выбрал взглядом один пузырь и рассматривал разноцветные волны света, пробегающие по его поверхности, эти радужные узоры, слишком сложные и запутанные для человеческого восприятия. Казалось, этот мыльный пузырь знает, что проживет короткую жизнь, и лихорадочно спешит передать миру мириады снов и легенд из своей огромной памяти. Через мгновение волны света и цвета исчезли в беззвучном взрыве. Еще на полсекунды осталось крохотное облачко пара, но потом и оно исчезло, будто мыльного пузыря никогда и не существовало.

– Видишь? Земля – это космический мыльный пузырь. Раз! – и она исчезнет. Так чего же бояться?

– Но это произойдет не так. Подсчитано, что после гелиевой вспышки пройдет сто часов, прежде чем Земля полностью испарится.

– Но это и есть самое страшное! – крикнула Линьгэ. – Находясь в пятистах метрах под землей, мы похожи на мясную начинку в пироге. Сначала мы медленно испечемся, а потом превратимся в пар!

Холодная дрожь пробежала по всему моему телу.

– Но на поверхности будет не так. Все превратится в пар в мгновение ока. Все люди наверху будут как мыльные пузыри: один миг – и... – Ее голос замер. – Поэтому я думаю, что лучше находиться на поверхности, когда произойдет вспышка.

Я не мог бы объяснить почему, но я не пошел с ней. Вместо меня она отправилась вместе с Туном, и я больше никогда их не видел.

Но гелиевая вспышка так и не произошла. Земля прошла мимо перигелия и направилась к афелию в шестой раз. У человечества вырвался общий вздох облегчения. Так как Земля больше не вращалась, в этой точке орбиты вокруг Солнца Двигатели Земли, установленные в Азии, смотрели в сторону направления полета. Поэтому эти двигатели полностью отключили и включали только изредка для корректировки ориентации Земли. Мы вплыли в тихую, бесконечную ночь. В Северной Америке, однако, двигатели работали на полную мощность, этот континент обеспечивал ракетные сопла для планеты. Поскольку Западное полушарие также было обращено к Солнцу, там царила убийственная

жара. Трава и деревья превратились в дым.

Ускорение Земли, при поддержке гравитации, с каждым годом увеличивалось. Когда планета начинала восхождение к афелию, мы расслаблялись пропорционально расстоянию Земли от Солнца; с наступлением нового года, когда планета начинала свое долгое падение к Солнцу, наше напряжение росло с каждым днем. Всякий раз, когда Земля достигала перигелия, нарастали слухи, будто гелиевая вспышка неизбежна. Эти слухи упорно распространялись до тех пор, пока Земля снова не начинала двигаться к афелию. Но даже в то время, когда страхи людей стихали по мере того, как Солнце в небе съеживалось, следующая волна паники уже зарождалась. Казалось, моральный дух человечества качается на космической трапеции. Или, возможно, точнее будет сказать, что мы играем в русскую рулетку в планетарном масштабе: каждое путешествие от перигелия к афелию и обратно напоминало вращение барабана, а прохождение перигелия – спуск курка! Каждый спуск действовал на нервы сильнее предыдущего. Мое детство прошло в переходах от ужаса к расслаблению. По сути говоря, даже в афелии Земля никогда не покидала опасной зоны гелиевой вспышки. Когда Солнце взорвется, Земля медленно превратится в жидкость, а эта судьба гораздо хуже, чем вероятность мгновенно испариться в перигелии.

А в Эру покидания одна катастрофа быстро следовала за другой.

Изменения скорости и траектории, создаваемые Двигателями Земли, нарушали равновесие в железно-никелевом ядре Земли. Турбулентность проходила через границу Гутенберга[2 - Граница между мантией и ядром Земли.] и распространялась до мантии. Когда геотермальная энергия вырывалась на поверхность, извержения вулканов опустошали все континенты, что представляло смертельную опасность для жителей подземных городов. Начиная с шестого орбитального периода катастрофические выбросы на поверхность магмы слишком часто случались в городах по всему миру.

Однажды, когда я возвращался домой из школы, завывали сирены. За ними быстро последовало срочное обращение от мэрии.

«Внимание, жители Города F112! Северный барьер прорван подвижкой земной коры. Магма проникла в город! Потоки магмы уже добрались до Четвертого

квартала! Съезды с шоссе перекрыты. Все жители должны явиться на центральную площадь и эвакуироваться на подъемнике. Обратите внимание, пожалуйста, что эвакуация будет проводиться в соответствии со Статьей 5 Закона о чрезвычайном положении. Повторяю, эвакуация будет проводиться в соответствии со Статьей 5 Закона о чрезвычайном положении!»

Когда я оглянулся на лабиринт туннелей, наш подземный город показался мне на удивление обычным. Но я сознавал грядущую нам опасность: из двух подземных шоссе, ведущих из города, одно было в прошлом году перекрыто ради выполнения необходимых работ по укреплению городских защитных барьеров. Если последнее оставшееся шоссе тоже заблокировано, то мы могли спастись только по вертикальным шахтам подъемников, которые выходили прямо на поверхность.

Вместимость этих лифтов была очень ограничена. Потребовалось бы много времени, чтобы поднять триста шестьдесят тысяч жителей в безопасное место, но не нужно было бороться за место в подъемниках. Закон о ЧП, изданный Коалицией, предусматривал все необходимые действия во время эвакуации.

Предыдущие поколения уже решали подобную этическую проблему. Человек попадает в наводнение и может спасти только еще одного человека. Кого он должен спасать, своего отца или своего сына? В наше время и в эту эру невозможно было поверить, что такой вопрос вообще мог когда-то возникнуть.

Когда я пришел на площадь, то увидел, что люди уже начали выстраиваться в длинную очередь в соответствии со своим возрастом. В голове очереди, ближе всех к подъемникам, стояли роботы-няни, каждая держала на руках младенца. Затем шли дети из детских садов, за ними – ученики младших классов. Мое место было в середине очереди, довольно близко к ее началу. Отец дежурил на низкой околоземной орбите, в городе оставались только я и моя мать. Я нигде не видел ее и побежал вдоль бесконечной людской шеренги, но далеко не ушел, меня остановили солдаты. Я знал, что она стоит в самом конце. Наш город в основном был университетским, в нем обитало мало семей, поэтому она стояла среди самых старых городских жителей.

Очередь двигалась вперед мучительно медленно. Через три долгих часа подошла наконец моя очередь, но я не чувствовал облегчения, входя в лифт. Между моей матерью и шансом на выживание стояло еще двадцать тысяч

студентов, а я уже ощущал сильный запах серы.

Через два с половиной часа после того, как я добрался до поверхности, магма затопила весь город под моими ногами. В мое сердце вонзился нож, когда я представил себе последние мгновения жизни моей мамы. Стоя вместе с остальными восемнадцатью тысячами других людей, которые не смогли вовремя эвакуироваться, она смотрела, как магма хлынула на площадь. Электричество в городе уже отключилось, осталось только ужасное, красное свечение магмы. От страшного жара почернел высокий белый купол торгового центра. Погибшие, вероятно, не дожили до контакта с магмой, температура выше тысячи градусов убила их раньше.

Но жизнь продолжалась, и даже в этой жестокой, ужасающей реальности искры любви иногда еще вспыхивали. Во время двенадцатого восхождения к афелию, пытаясь снизить напряжение в обществе, Коалиция неожиданно возродила Олимпийские игры после двухсотлетнего перерыва. Во время этих игр я принял участие в ралли на снегоходах. Мы стартовали в Шанхае и промчались на своих снегоходах по замерзшей поверхности Тихого океана до Нью-Йорка.

После выстрела из стартового пистолета больше ста снегоходов ринулись через замерзший океан, мы мчались по льду со скоростью двести километров в час. Сначала я все время видел кого-нибудь из своих соперников. Однако через два дня они все исчезли за горизонтом, отстали от меня или опередили меня.

Сияния Двигателей Земли уже не было видно у меня за спиной, и я несся к самой темной части планеты. Моим миром было бескрайнее, звездное небо и лед, простирающийся во всех направлениях до самого конца Вселенной – возможно, это и был конец вселенной. И в этой вселенной бесконечных звезд и бесконечного льда я был один! Когда на меня обрушилась лавина одиночества, мне захотелось плакать. Я мчался так, будто от этого зависела моя жизнь. Завою ли я место на пьедестале почета, не имело значения: мне необходимо было избавиться от этого ужасного одиночества раньше, чем оно убьет меня. В моем воображении противоположного берега больше не существовало.

В этот момент я увидел силуэт фигуры на фоне горизонта. Подъехав ближе, я понял, что это женщина. Она стояла рядом со своим снегоходом, ее волосы развеивал ледяной ветер. Как только наши пути пересеклись, стало ясно, что остаток наших жизней определен. Ее звали Ямасаки Кайоко, и она была японкой. Команда этой женщины стартовала за двенадцать часов до нашей, но ее

снегоход провалился в трещину во льду, одна лыжа сломалась. Помогая ей починить лыжу, я рассказал ей о том чувстве, которое охватило меня недавно.

– Я чувствовала себя точно так же! – воскликнула она. – Словно я одна во Вселенной! Знаешь, когда я увидела тебя вдалеке, это было все равно что наблюдать восход Солнца.

– Почему ты не вызвала спасательный самолет? – спросил я.

Она подняла свой маленький кулачок.

– Эта гонка олицетворяет силу человеческого духа, – заявила она с твердостью, так характерной для японцев. – Мы должны помнить, что Земля не может позвать на помощь во время странствия по космосу.

– Ну, теперь нам придется вызвать помощь. Ни у кого из нас нет запасного полоза, поэтому твой снегоход починить невозможно.

– Почему бы мне не сесть к тебе на заднее сиденье? – предложила она. – То есть если ты не стремишься занять призовое место.

Я действительно не стремился, поэтому мы с Кайоко совершили долгое путешествие через замерзший Тихий океан вместе.

Миновав Гавайи, мы увидели на горизонте проблески света. На этом бескрайнем ледяном просторе, освещенном крошечным Солнцем, мы отправили заявление о заключении брака в Министерство гражданских дел Коалиции.

К тому времени, когда мы добрались до Нью-Йорка, олимпийские судьи устали ждать, упаковали свои вещи и уехали. Но чиновник из муниципального Бюро гражданских дел стоял и ждал нас. Он поздравил нас с вступлением в брак, а потом приступил к выполнению своих служебных обязанностей. Взмахом руки он создал голограмму, усеянную сотнями тысяч точек. Каждая точка обозначала пару, зарегистрировавшую брак в Коалиции за последние несколько дней. По причине суровых условий окружающей среды по закону только одна из трех пар новобрачных получала разрешение на рождение ребенка. Это право определяла лотерея. Глядя на тысячи точек, Кайоко долго колебалась, перед тем как ткнуть

пальцем в одну точку посередине.

Когда точка стала зеленой, она запрыгала от радости. Я не был уверен, как отношусь к перспективе завести семью. Если я произведу на свет ребенка в эту эру страданий, станет это благословением или бедствием? По крайней мере, чиновник был несказанно счастлив. Он сказал нам, что это большая радость, когда пара получает зеленую точку. Он достал бутылку водки, и мы втроем по очереди пили из нее за продолжение человеческой расы. За нашими спинами слабый свет далекого Солнца золотил статую Свободы. Перед нами давно покинутые небоскребы Манхэттена отбрасывали длинные тени на неподвижный лед нью-йоркской гавани. Я чувствовал себя пьяным и сознавал, что по моим щекам текут слезы.

Земля, моя странствующая Земля!

* * *

Перед тем как мы расстались, чиновник вручил нам ключи и икнул.

– Они от выделенного вам дома в Азии. Теперь отправляйтесь домой. Спешите в ваш чудесный новый дом!

– Насколько он чудесный? – холодно спросил я. – Подземные города в Азии опасны, но, разумеется, вы, жители Запада, об этом не знаете.

– Мы скоро столкнемся с нашей собственной уникальной угрозой для жизни, – ответил он. – Земля вскоре пролетит сквозь пояс астероидов, а Западное полушарие обращено к нему.

– Но мы уже проходили через пояс астероидов во время нескольких последних орбит. Это не очень опасно, разве не так?

– Мы прошли лишь по краю пояса астероидов. Космический флот, конечно, мог с этим справиться. У них есть лазеры и ядерное оружие, чтобы убрать небольшие камни с траектории Земли. Но на этот раз... – Он помолчал. – Разве вы не смотрели новости? На этот раз Земля пройдет прямо через середину пояса! Флот справится с мелкими камнями, а вот крупные...

Во время обратного перелета в Азию Кайоко повернулась ко мне и спросила:

- Эти астероиды очень большие?

Мой отец был одним из офицеров Космического флота, которым поручено отклонять в сторону и уничтожать астероиды. Поэтому, хотя правительство прибегло к обычному замалчиванию этой проблемы в средствах информации, у меня было некоторое представление о том, что произойдет. Я рассказал Кайоко, что некоторые астероиды на нашем пути размером с гору; даже пятидесятимегапонные термоядерные бомбы способны лишь оставить зарубку на их поверхности.

- Им придется применить самое мощное оружие из арсенала человечества, - таинственно прибавил я.

- Ты имеешь в виду бомбы из антиматерии? - спросила она.

- А что еще это может быть?

- Какова дальность полета кораблей флота?

- В настоящее время их дальность ограничена. Отец говорил мне, что она достигает примерно полутора миллионов километров, - ответил я.

Кайоко тихонько пискнула.

- Значит, мы сможем это увидеть!

- Лучше не смотреть.

Но Кайоко все равно посмотрела, и без защитных очков. Первая вспышка от взрыва бомбы из антивещества дошла до Земли из космоса вскоре после нашего взлета. Именно в этот момент Кайоко любовалась звездным небом за окном. Вспышка ослепила ее больше, чем на час, а глаза оставались красными и слезились потом еще больше месяца. После ужасных мгновений этой вспышки, от которой кровь застыла в жилах, снаряды с антивеществом продолжали

бомбить астероид. Слепящие вспышки взрывов пульсировали в абсолютно черном небе, словно огромная орда папарацци напала на планету, а она от них лихорадочно отбивается.

Через полчаса мы увидели метеоры, за которыми тянулись по небу огненные хвосты, завораживающие своей пугающей красотой. Все больше метеоров появлялось в небе, и каждый проникал в атмосферу дальше предыдущего. Внезапно самолет задрожал от оглушительного рева, за которым последовали еще более сильный грохот и тряска. Решив, что метеорит попал в самолет, Кайоко закричала и бросилась в мои объятия. В тот же момент по интеркому зазвучал голос капитана:

– Дамы и господа, прошу вас, не беспокойтесь. Это был всего лишь звуковой удар после прохождения метеоритом звукового барьера. Наденьте, пожалуйста, наушники, чтобы избежать потери слуха. Поскольку нельзя гарантировать безопасность полета, мы совершим экстренную посадку на Гавайях.

Объявление отзвучало, а я не отрывал глаз от метеорита, гораздо более крупного, чем все остальные. Во мне росло убеждение, что он не сгорит в атмосфере, как предыдущие метеоры. Конечно, этот огненный шар стремительно промчался по небу, уменьшаясь в размерах, и потом врезался в замерзший океан. С высоты десяти тысяч метров мы видели, как маленькая белая точка появилась в месте его падения. Эта точка немедленно превратилась в белый круг, который быстро разрастался на поверхности океана.

– Это волна? – спросила Кайоко дрожащим голосом.

– Да, это волна, высотой более ста метров. Но океан покрыт сплошным льдом. Лед скоро ее погасит, – ответил я, в основном чтобы успокоить самого себя. Больше я вниз не смотрел.

Вскоре после этого мы приземлились в Гонолулу. Местные власти распорядились впустить нас в подземный город. Во время поездки вдоль побережья мы видели небо, заполненное метеорами. Казалось, что целый легион демонов с огненными волосами вырвался из одной точки в космосе.

Мы увидели, как один метеорит упал на поверхность океана недалеко от берега. Фонтан воды не взлетел, белый гриб водяного пара распустился высоко в небе.

Под замерзшей поверхностью вода ринулась к берегу. Толстый слой льда застонал, распался на куски и волнами устремился к берегу, будто косяк гигантских, извивающихся морских чудовищ плыл подо льдом.

– Насколько большим был этот метеорит? – спросил я у чиновника, который встречал нас в аэропорту.

– Меньше пяти килограммов, не больше вашей головы. Но мне только что сообщили, что двадцатитонный метеорит упал в море в восьмистах километрах к северу отсюда.

У него запищал наручный коммуникатор. Он взглянул на него и сразу же обратился к водителю:

– Мы не успеем к двустам четвертым воротам. Поезжай к ближайшему входу.

Автобус повернул за угол и остановился у въезда в подземный город. Когда мы вышли, то увидели, что вход охраняют несколько солдат. Они уставились, не мигая, вдаль полными ужаса глазами. Мы проследили за их взглядом и увидели на горизонте черный барьер. На первый взгляд он казался низкой грядой облаков, но ее высота была слишком одинаковой для облаков, это было больше похоже на длинную стену, протянувшуюся вдоль горизонта. Присмотревшись пристальнее, мы увидели, что у этой стены белые края.

– Что это? – робко спросила Кайоко у чиновника. От его ответа у нас волосы встали дыбом.

– Волна.

Высокие стальные ворота, ведущие в подземный город, со скрипом захлопнулись. Через десять минут мы ощутили низкий рокот, идущий с потолка, словно там, по поверхности, прокатилось титаническое колесо. Мы молча переглянулись с отчаянием, так как поняли, что в этот момент стометровые волны перемахнули Гавайский архипелаг и устремились к материку. Но последующие вслед за этим сотрясения были еще более устрашающими. Казалось, гигантский кулак из космоса наносит удары по Земле. Под землей они ощущались слабее, но болезненно отдавались в наших душах. Это был обстрел поверхности метеоритами.

Жестокая бомбардировка нашей планеты продолжалась с перерывами неделю. Когда мы наконец покинули подземный город, Кайоко воскликнула:

– Боже мой, что случилось с небом?

Небо стало грязно-серым. Верхний слой атмосферы был наполнен пылью, выброшенной вверх упавшими астероидами. Солнце и звезды исчезли в бесконечной серости, будто вся Вселенная укуталась густым туманом. На суше вода, оставшаяся после чудовищных волн, замерзла и превратилась в лед. Уцелевшие высотные здания одиноко торчали надо льдом, усеянные ледяными каскадами. Слой пыли покрыл лед, лишил весь мир красок, повсюду царила все подавляющая серость.

Мы с Кайоко вскоре возобновили свое путешествие в Азию. Когда самолет пересек линию терминатора, которая уже давно потеряла всякое значение, мы увидели самую темную ночь человечества. Казалось, самолет медленно летит сквозь иссиня-черную океанскую глубину. Когда мы смотрели в окно, напрасно отыскивая во мраке проблеск света, наше настроение стало таким же черным.

– Когда это закончится? – прошептала Кайоко.

Я не знал, говорит ли она о нашем путешествии или о жизни, полной несчастий и страданий. Я начинал думать, что ни тому ни другому не будет конца. Действительно, даже если Земля выплывет за пределы досягаемости гелиевой вспышки, даже если мы спасем свою жизнь – что потом? Мы стоим на нижней ступеньке невероятно высокой лестницы. Через сто поколений, когда наши потомки достигнут верхней ступеньки и увидят обещание новой жизни, наши кости давно уже превратятся в пыль. Я не представлял себе, какие страдания и испытания нас ждут впереди, и совсем не задумывался о том, что поведу свою возлюбленную и своего ребенка по этой бесконечной, грязной дороге. Я так устал, слишком устал, чтобы идти дальше...

В тот момент, когда печаль и отчаяние грозили задушить меня, по салону разнесся женский крик:

– О нет! Дорогой, не надо!

Я обернулся и увидел, как одна женщина пытается вырвать пистолет из рук сидящего рядом с ней мужчины. Он только что попытался приставить его дуло к своему виску. Этот мужчина выглядел бледным и изнуренным, его глаза бессмысленно смотрели куда-то вдаль. Женщина уткнулась головой ему в колени и разразилась тихими рыданиями.

– Замолчи, – холодно произнес мужчина.

Рыдания стихли, остался только тихий гул двигателей, подобный непрерывному похоронному песнопению. В моем представлении неподвижный самолет застыл в бесконечном мраке. Во всей Вселенной не осталось ничего, кроме этого самолета и окутавшей его темноты. Кайоко крепко прижалась ко мне. Все ее тело было холодным как лед.

Внезапно в передней части салона возникло оживление, люди начали взволнованно перешептываться. Я посмотрел в окно и увидел впереди по курсу самолета туманный свет. Полное пыли ночное небо пронизывало однородное голубое свечение.

То был свет Двигателей Земли.

Треть двигателей Западного полушария уничтожили метеориты, но земля пострадала меньше, чем предсказывали расчеты до старта. Двигатели Земли в Восточном полушарии, укрытые на обратной стороне от столкновения, не пострадали. Земля сохранила достаточную мощность и возможность спастись.

Когда я увидел слабый голубой свет впереди, я почувствовал себя, как глубоководный дайвер, наконец-то увидевший освещенную солнцем поверхность после долгого подъема из морской пропасти. Я снова начал мерно дышать.

Через несколько рядов от нас раздался женский голос:

– Дорогой, боль, страх – мы можем чувствовать все это, пока мы живы. Когда мы умрем, не останется совсем ничего. Только темнота. Лучше жить, не правда ли?

Измученный мужчина не ответил. Он смотрел на голубой свет впереди, по его лицу текли слезы. Я понял, что он переживает это. Пока этот голубой свет сияет и дарит надежду, мы все это переживем. Я вспомнил обнадеживающие слова, сказанные моим отцом.

Когда мы с Кайоко приземлились, то не поехали сразу в наш новый подземный дом. Вместо этого мы отправились на поиски моего отца на базу Космического флота на поверхности. Однако когда мы приехали туда, я нашел только почетную медаль, холодную как лед, которой его наградили посмертно. Эту медаль отдал мне вице-маршал авиации. Он рассказал мне, что отец погиб во время операции по очистке траектории Земли от астероидов. При взрыве антивещества осколок астероида попал прямо в его одноместный корабль.

– Когда это случилось, этот осколок летел со скоростью сто километров в секунду относительно его корабля. При столкновении кабина испарилась. Он не почувствовал боли, – сказал маршал. – Я вас уверяю, он не почувствовал никакой боли.

Когда Земля начала снова движение к Солнцу, мы с Кайоко поднялись на поверхность, чтобы увидеть весенний пейзаж. Мы были горько разочарованы.

Мир все еще был однообразно серым. Под хмурым небом замерзшие озера из остатков морской воды усеяли ландшафт. Не видно было ни единого зеленого росточка. Огромный слой пыли в атмосфере блокировал солнечный свет, препятствуя повышению температуры. Океаны и континенты не оттаивали даже в перигелии. Солнце оставалось слабым и тусклым, похожим на призрак, скрывающийся за пылью.

Три года спустя, когда пыль в атмосфере рассеялась, человечество в последний раз миновало перигелий. Когда мы достигли его, обитатели Восточного полушария получили возможность стать свидетелями самого быстрого восхода и заката Солнца в истории Земли. Солнце выскочило из моря и быстро пронеслось по небу. Тени меняли направление так быстро, что напоминали секундные стрелки, бегущие по циферблатам бесчисленных часов. Это был самый короткий день из всех, которые когда-либо видела Земля, он закончился меньше, чем через час.

Когда Солнце нырнуло за горизонт и темнота упала на планету, я испытал приступ горя. Этот быстро пролетевший день показался мне кратким итогом четырех с половиной миллиардов лет истории Земли в Солнечной системе. Она больше никогда не вернется обратно, до конца существования Вселенной.

– Темно, – печально произнесла Кайоко.

– Самая долгая ночь, – ответил я.

В Восточном полушарии эта ночь будет продолжаться двадцать пять сотен лет. Сто поколений сменится до того, как новый свет Проксимы Центавра прольется на этот континент. Западное полушарие ждет самый долгий день, но он продлится всего мгновение по сравнению с нашей вековой ночью. На этой стороне планеты Солнце быстро поднимется в зенит, где и застынет неподвижно, постоянно уменьшаясь. Целых полвека его будет сложно отличить от любой другой звезды.

Запланированная траектория Земли предполагала встречу с Юпитером. План Навигационной комиссии был следующим: пятнадцатая орбита Земли вокруг Солнца будет настолько эллиптической, что ее афелий окажется внутри орбиты Юпитера. Земля промчится мимо Юпитера, едва не столкнувшись с ним. Используя колоссальное притяжение этого газового гиганта для наращивания ускорения, Земля, в конце концов, разовьет вторую космическую скорость.

Через два месяца после прохождения Землей перигелия Юпитер уже было видно невооруженным глазом. Сначала он выглядел тусклым пятном света, но вскоре это пятно приобрело форму диска. Еще через месяц Юпитер стал размером с полную Луну, красновато-коричневую со слабо заметными полосами. Потом некоторые лучи плазмы Двигателей Земли, стоявшие перпендикулярно в течение пятнадцати лет, начали смещаться. Осуществлялась последняя корректировка траектории Земли перед встречей. Юпитер медленно опустился за горизонт и оставался там следующие три месяца. Мы его не видели, но знали, что обе планеты сближаются.

Для нас почти стало сюрпризом известие о том, что Юпитер снова можно видеть в Восточном полушарии. Все потянулись на поверхность, чтобы взглянуть. Когда я прошел через воздушный шлюз подземного города, то увидел, что Двигатели Земли, непрерывно работавшие пятнадцать лет, выключены. Мы снова могли

видеть звезды на небе. Происходило наше последнее рандеву с Юпитером.

Все нервно смотрели на западную часть неба, где над горизонтом постепенно росло слабое красное сияние. Оно нарастало, пока не заполнило всю линию горизонта. Я вскоре понял, что это сияние образовало четкую границу на фоне звезд; это была дуга, такая огромная, что она протянулась от одного конца горизонта до другого. Она медленно поднималась, небо под ней стало красным, будто бархатный театральный занавес постепенно закрывал остальную Вселенную. Я невольно ахнул, у меня закружилась голова, когда я понял, что этот занавес и есть Юпитер. Я знал, что Юпитер в тысячу четыреста раз больше Земли, но только когда увидел это огромное чудо, я осознал его колоссальные размеры.

Трудно словами описать страх и подавленность, порождаемые этим чудовищем, поднимающимся над горизонтом. Один журналист позже написал: «Я не знал, что это, мой собственный кошмарный сон или вся Вселенная – лишь кошмарный сон в огромном, извращенном мозгу этого божества!» Юпитер продолжал свой ужасный восход, и постепенно он занял полнеба. Тогда нам стали ясно видны бури, свирепствующие в его облачных слоях, они гнали его атмосферные газы и вытягивали их в хаотичные, беспорядочные полосы. Я знал, что под этими плотными скопищами облаков бушуют океаны жидкого водорода и жидкого гелия. Появилось знаменитое большое Красное Пятно, бушующее на поверхности планеты сотни тысяч лет. Этот вихрь был таким огромным, что мог бы поглотить три Земли. Теперь Юпитер заполнил все небо. Земля напоминала воздушный шар, плывущий по кипящему красному морю облаков Юпитера. Большое Красное Пятно поднялось к середине неба и уставилось на нашу планету подобно глазу циклопа. Весь земной ландшафт залил его призрачный свет. Невозможно было поверить, что наша крохотная планета сможет вырваться из гравитационного поля этого колосса. Нам на Земле даже невозможно было представить себе, что она может стать спутником Юпитера – нет, мы наверняка рухнем в ад, скрывающийся под этим бескрайним океаном облаков.

Но расчеты инженеров-навигаторов оказались безупречно точными, и пугающее ржаво-красное небо проплывало мимо нас. Через некоторое время черный полумесяц возник на западном горизонте, он быстро рос, открывая взорам мерцающие звезды. Земля вырывалась из цепких объятий притяжения Юпитера. Именно в это время снова завывали сирены, предупреждая о том, что вызванные гравитацией Юпитера приливы опять угрожают материкам. Позже нам

рассказали, что по континентам снова пронеслись гигантские волны высотой более ста метров. На бегу к воротам в подземный город я бросил последний взгляд на Юпитер, все еще закрывающий половину неба. Явственные шрамы усеяли облачный слой газового гиганта; как я потом узнал, то был след, оставленный на поверхности Юпитера притяжением Земли. Наша планета также оставила после себя огромные, как горы, буруны из жидкого гелия и водорода. И в этот момент Земля, увеличившая скорость под воздействием мощной гравитации Юпитера, устремилась в открытый космос.

Уносясь прочь от Юпитера, Земля летела на второй космической скорости. Ей уже не нужно было возвращаться к Солнцу, где таилась только смерть. Когда она устремилась в просторы открытого космоса, началась бесконечная Эра странствия.

И в темно-красной тени Юпитера, глубоко в недрах Земли, родился мой сын.

Глава 3

Мятеж

После того как мы улетели от Юпитера, десять тысяч Двигателей Земли, расположенных в Азии, снова ожили с ревом. Им предстояло работать на полную мощность на протяжении следующих пятисот лет, постоянно ускоряя планету. За эти пятьсот лет двигатели должны были использовать половину гор Азиатского континента в качестве топлива.

Освободившись наконец от четырехсотлетнего страха смерти, все человечество вздохнуло с облегчением. Но надежды на радостную жизнь так никогда и не сбылись, и того, что произошло дальше, никто себе и представить не мог.

После завершения праздничного ралли в нашем подземном городе я надел термальный скафандр и один поднялся на поверхность. Знакомые с детства горы уже сровняли с землей мегаэкскаваторы, остались лишь голые камни и жесткая, замерзшая почва. Вокруг, насколько хватало глаз, безрадостную пустоту нарушали только белые пятна, покрывавшие землю: то были соляные

болота, оставшиеся после огромных океанских приливов. Передо мной лежали руины города, в котором прожили свою жизнь мой отец и дед, – города, некогда служившего домом десяти миллионам жителей. В голубом свете плазменных лучей от Двигателей Земли обнаженные стальные скелеты небоскребов отбрасывали длинные тени, похожие на окаменевшие останки доисторических животных. Постоянные наводнения и удары метеоритов уничтожили на поверхности практически все. Созданное людьми и природой за тысячелетия лежало в руинах, наша планета стала такой же голой и пустынной, как Марс.

Примерно в это время Кайоко охватило беспокойство. Она часто оставляла нашего сына без присмотра и совершала длительные полеты на машине. А возвращаясь, говорила только, что летала в Западное полушарие. Наконец настал день, когда она потащила меня туда вместе с собой.

Мы летели два часа со скоростью четыре Маха, пока не увидели свет Солнца. Оно только что вошло над Тихим океаном. Размером оно было не больше бейсбольного мяча и освещало замерзшую поверхность слабым, холодным светом.

Поднявшись на высоту пять тысяч метров, Кайоко перевела машину в режим зависания. Потом достала с заднего сиденья длинный пакет. Когда она сняла с него чехол, я увидел телескоп, который пользовался популярностью у астрономов-любителей. Кайоко открыла окно, направила телескоп на Солнце и велела мне смотреть.

Сквозь затемненные линзы я видел Солнце, увеличенное в сотни раз. Я даже ясно видел светлые и темные пятна, медленно плывущие по его поверхности, и слабые протуберанцы по краям солнечного диска.

Кайоко подключила телескоп к бортовому компьютеру и сделала снимок Солнца. Потом она вызвала другое изображение Солнца и сказала:

– Это снято четыреста лет назад.

Компьютер сравнил эти два изображения.

– Ты видишь? – спросила Кайоко, показывая на экран. – Светимость, массив пикселей, вероятность интенсивности пикселей, статистика слоев – все

параметры точно такие же!

– И что это доказывает? Игрушечный телескоп, дешевая программа обработки изображений, и ты, несведущий любитель. – Я покачал головой. – Не обращай внимания на эти слухи.

– Ты идиот, – резко бросила она, сложила телескоп и повернула машину к дому. Вдалеке я заметил несколько других машин над нами и под нами. Они парили в воздухе, как и мы только что, из окон каждой телескоп смотрел на Солнце.

В последующие несколько месяцев ужасное предположение разнеслось по миру, подобно лесному пожару. Все больше людей занималось наблюдением за Солнцем с помощью более крупных, более сложных инструментов.

Национальное географическое общество даже запустило несколько зондов к Солнцу, которые достигли цели через три месяца. Данные, переданные зондами, подтвердили этот факт: Солнце совсем не изменилось за последние четыреста лет.

На каждом континенте ситуация в подземных городах стала нестабильной, города напоминали бурлящие вулканы, готовые взорваться. Настал день, когда мы с Кайоко, подчиняясь декрету Коалиции, отвезли нашего сына в Центр по усыновлению. По дороге домой мы оба почувствовали, что единственное, что нас связывало, исчезло. Подъехав к центральной площади, мы увидели человека, выступающего перед толпой. Другие раздавали оружие людям, толпящимся вокруг оратора.

– Граждане! Землю предали! Человечество предали! Цивилизацию предали! Мы все стали жертвой ужасного обмана! Масштаб этого обмана потряс бы самого Бога! Солнце совершенно не изменилось! Оно не взорвется, ни потом, ни сейчас, никогда! Это истинный символ вечности! Взрывчаткой служат необузданные и коварные амбиции членов Коалиции! Они все это сфабриковали, чтобы создать собственную империю тиранов! Они разрушили Землю! Они уничтожили человеческую цивилизацию! Граждане, сознательные граждане! Возьмите оружие и спасите нашу планету! Спасите человеческую цивилизацию! Мы свергнем Коалицию! Мы захватим управление Двигателями Земли и поведем нашу планету из холодных глубин открытого космоса обратно на прежнюю орбиту! Назад, в теплые объятия Солнца!

Не говоря ни слова, Кайоко шагнула вперед и взяла боевую винтовку у одного из тех, кто раздавал оружие, потом встала в колонну вооруженных граждан. Ни разу не оглянувшись, она исчезла в лабиринте подземного города вместе с другими вооруженными людьми. Я остался стоять на месте. Я так крепко сжимал в кармане медаль, на которую променял свою жизнь мой отец, оставшись верным долгу, что кровь выступила на ладони.

Через три дня мятеж вспыхнул на всех континентах. Куда бы ни двигалась армия мятежников, люди собирались в ответ на ее призыв. Немногие еще сомневались, что их обманули. Несмотря на это, я вступил в армию Коалиции. Не то чтобы я действительно верил в правительство, но три поколения моей семьи были военными. Они посеяли семена верности глубоко в моем сердце, и предать Коалицию было просто невыносимо, ни при каких обстоятельствах.

Обе Америки, Африка, Океания и Антарктида – один континент за другим сдались мятежникам, а армия Коалиции отступила на линии обороны вокруг Двигателей Земли в Восточной и Центральной Азии, готовая защищать их до конца. Армия мятежников быстро окружила их. Ее численность намного превосходила силы Коалиции, но из-за близости двигателей наступление долго не начиналось. Армия мятежников не хотела уничтожить двигатели и поэтому воздерживалась от применения тяжелых вооружений, отсрочив казнь Коалиции. Три месяца обе стороны пребывали в патовой ситуации. Но после того как двенадцать полевых армий одна за другой перешли на сторону противника, оборона Коалиции на всех фронтах рухнула. Два месяца спустя положение дел выглядело отчаянным, последние сто тысяч солдат правительства оказались осажденными со всех сторон возле центра управления Двигателями Земли на побережье.

Я был майором в рядах остатков той армии. Центр управления, размером со средний город, был построен вокруг Штурманского мостика Земли. Омертвевшая рука, сожженная лазерным лучом, приковала меня к койке в госпитале для раненых бойцов. Именно там я узнал, что Кайоко погибла в битве за Австралию. Как и другие раненые в палате, я пил и напивался до бесчувствия каждый день. Мы потеряли всякое представление о войне, бушующей снаружи, и нам было все равно. Я не знаю, сколько прошло времени до того момента, когда я услышал голос в другом конце палаты:

– Вы знаете, почему вы дошли до такого состояния? Вы вините себя за то, что в этой войне вы воюете против человечества! И я тоже так поступал!

Повернув голову, я увидел на плече у говорящего генеральскую звезду.

– Не важно, – продолжал он. – У нас всего один, последний шанс спасти свои души. Штурманский мостик Земли всего в трех кварталах отсюда. Мы захватим его и отдадим тем здравомыслящим людям, которые находятся снаружи! Мы выполнили свой долг перед Коалицией, и теперь должны выполнить свой долг перед человечеством!

Здоровой рукой я вытащил пистолет и вслед за разъяренной толпой сохранивших способность двигаться и легко раненных солдат побежал по стальным коридорам к мостику. К моему удивлению, мы почти не встречали сопротивления. Все больше людей выбегало из запутанного лабиринта проходов и присоединялось к нам. Наконец мы оказались перед металлическими воротами, такими высокими, что я не видел их верха. Они со скрежетом распахнулись, и мы ворвались на Штурманский мостик Земли.

Несмотря на то что мы видели его бесчисленное множество раз по телевизору, всех поразили его грандиозные размеры. Трудно было судить о величине этого пространства, так как его размеры скрывала громадная голографическая модель Солнечной системы, заполнявшая все помещение. В сущности, это было черное пространство, тянущееся во всех направлениях до бесконечности. Как только мы вошли, мы повисли в этой черноте. Поскольку эта модель должна была отражать истинный масштаб Солнечной системы, Солнце и планеты были крохотными, похожими на далеких светлячков, но все еще различимыми. Удивительная красная спираль выходила из дальней световой точки, изображавшей Солнце, и образовывала красные концентрические круги ряби на поверхности бескрайнего черного океана. Это был маршрут Земли. В какой-то точке на внешнем краю спирали его цвет становился ярко-зеленым, это была та часть пути, которую Земле еще предстояло пролететь. Зеленая линия проходила над нашими головами. Мы следили за ней взглядом, пока она не исчезла в сверкающем море звезд, ее конец уходил за пределы нашего поля зрения. Бесчисленные искры сверкающей пыли плыли по черному океану. Когда несколько этих пылинок подплыли ближе, я понял, что это виртуальные экраны, заполненные непрерывно бегущими потоками цифр и графиками.

Затем мой взгляд упал на Навигационную платформу Земли, известную всем людям планеты. Она была похожа на серебристо-белый астероид, плывущий в черноте. При виде нее было еще труднее осознать размеры этого места – сама

Навигационная платформа представляла собой общественный центр. Сейчас она была плотно забита народом: здесь собралось более пяти тысяч человек, в том числе лидеры Коалиции, большая часть Межзвездного эмиграционного комитета, отвечающего за выполнение плана путешествия, и последние из оставшихся лоялистов. В темноте звучал голос Президента:

– Мы могли бы сражаться до последнего, но тогда есть риск потерять контроль над Двигателями Земли. Если это случится, остаток делящегося вещества может прожечь насквозь всю планету или испарить океаны. И мы решили сдаться. Мы понимаем народ. Сорок поколений людей выдержали жестокую борьбу, и ее должны выдержать еще сто поколений. Нереально ожидать, что все сохранят способность мыслить разумно после всего этого. Но мы просим людей помнить, что мы, пять тысяч стоящих здесь, от Президента Коалиции до рядового солдата, сохранили нашу веру до конца. Мы знаем, что не увидим того дня, когда наша правда будет доказана, но, если человечество выживет, грядущие поколения придут рыдать над нашими могилами. Эта планета по имени Земля станет нашим вечным памятником!

Массивные ворота центра управления снова со скрежетом распахнулись, и из них вышли последние пять тысяч Планетников. Потом их погнали на берег силы мятежников. Зеваки плевали на пленников и осыпали их обломками льда и камней. Маски на лицах некоторых из них были разбиты, обнажив их лица при температуре на сто пятьдесят градусов ниже точки замерзания. Но даже застыв от ужасного холода, они шли вперед, сражаясь за каждый шаг. Я видел, как маленькая девочка схватила обломок льда и швырнула его изо всех сил в старика, в ее глазах под маской сверкала дикая ярость.

Когда я услышал, что все пять тысяч пленников приговорены к смерти, мне этот приговор показался слишком мягким. Одна смерть? Может ли одна смерть исправить все то зло, которое они причинили? Может ли она искупить их преступление, безумный обман, уничтоживший и Землю, и человеческую цивилизацию? Они должны умереть десять тысяч раз! Я внезапно вспомнил тех астрофизиков, которые предсказали взрыв Солнца, и тех инженеров, которые сконструировали и построили Двигатели Земли. Они скончались сто лет назад, но мне искренне захотелось раскопать их могилы и заставить умереть той смертью, которую они заслужили.

Я испытывал благодарность к палачам, которые нашли подходящий метод привести в исполнение приговор. Во-первых, они конфисковали у каждого

приговоренного атомные батареи, снабжающие энергией их термальные скафандры. Затем они отправили пленников на замерзший океан, где низкая температура постепенно выпила из их тел жизнь.

Самые коварные, самые бесчестные преступники в истории человеческой цивилизации стояли, сгрудившись, темной толпой на льду. Более ста тысяч людей собралось на берегу посмотреть на них. Больше ста тысяч людей стискивали зубы в гневе, больше ста тысяч пар глаз горели одинаковой яростью, такой же, какую я увидел на лице той маленькой девочки.

К этому моменту все Двигатели Земли были отключены, и звезды величественно сверкали надо льдом. Я представлял себе, как холод кинжалами пронзает их кожу, как кровь замерзает в их венах, как жизнь по капле вытекает из их тел. От этой мысли приятная теплота разливалась по моему телу. Пока толпа наблюдала за тем, как пленники медленно погибают от мучительного холода, ее настроение улучшалось и люди запели веселый гимн Солнцу – «Мое Солнце».

Я пел вместе со всеми и смотрел на звезду, немного более крупную, чем остальные, чей крошечный диск сиял желтым светом, – на Солнце.

О Солнце, мое Солнце,

Ты жизни мать,

Творения отец,

Дух жизни и всему венец!

Ты – вечен, мы всего лишь пыль звезды,

Осколки твоего венца,

Но мы посмели, жалкие глупцы,

Ждать твоего конца!

Прошел час. На льду еще стояли враги человечества, но среди них не осталось живых людей. Кровь в их венах замерзла.

Внезапно я лишился зрения. Прошло несколько секунд, пока зрение начало восстанавливаться, а лед, берег и толпа зрителей постепенно обрели резкость. Наконец все стало ясно видно опять – даже еще яснее, чем до этого, потому что планету заливал интенсивный белый свет. Именно это внезапное сияние ослепило меня только что.

Однако звезды не появились снова, их свет исчез, словно космос растаял от резкого света. Этот свет вырвался из одной точки в пространстве. Теперь эта точка стала центром вселенной, и я смотрел прямо на нее, когда это произошло.

Произошла гелиевая вспышка.

Хор голосов, поющих «Мое Солнце», умолк на середине гимна. Толпа на берегу стояла так же неподвижно, как пять тысяч трупов на льду, казалось, все замерли, застыли и отвердели, как камень.

Солнце пролило свой свет и жар на Землю в последний раз. На поверхности моря первым растаял сухой лед, взлетел вверх фонтанами белого пара. Затем море начало таять, и слои льда затрещали и застонали, так как нагревались неравномерно. Постепенно свет смягчился, и небо приобрело голубой оттенок. Позже в небе появилось северное сияние, рожденное яростными солнечными ветрами, похожее на огромные волнистые занавесы из света, трепетало по всему небосводу.

Последние Планетники твердо стояли на льду, пять тысяч статуй, внезапно превращенные в четкие рельефные скульптуры ослепительными лучами солнца.

Взрыв на Солнце продолжался недолго. Через два часа свет быстро померк, а потом и совсем исчез.

Вместо Солнца появился тусклый красный шар. С нашего наблюдательного пункта мы видели, как он медленно разбухал, пока не достиг размеров древнего Солнца, странное воспоминание о первоначальной земной орбите. Он был таким огромным, что его диаметр вышел за пределы орбиты Марса. Меркурий, Венера, Марс – постоянные компаньоны Земли – превратились в струйки дыма под воздействием интенсивного теплового излучения.

Но это уже было не наше Солнце. Оно уже не излучало свет и жар, оно напоминало холодный кружок из красной бумаги, наклеенный на небесный свод, его приглушенное сияние превратилось всего лишь в отражение света окружающих звезд. Такова эволюционная судьба, общая для всех звезд средней величины: превратиться в красного гиганта.

Пять миллиардов лет величественного существования теперь стало мимолетным сном. Солнце умерло.

К счастью, мы остались живы.

Глава 4

Эра странствия

Все это я вспоминаю сейчас, когда прошло полвека. Двадцать лет назад Земля миновала орбиту Плутона и вылетела за пределы Солнечной системы, продолжая свое одинокое путешествие в безграничные, бескрайние просторы космоса.

Мой последний выход на поверхность состоялся около десяти лет назад. Меня сопровождали сын и невестка, голубоглазая блондинка. В то время она была беременна.

Когда мы вышли на поверхность, прежде всего я заметил, что больше не вижу огромных лучей плазмы от Двигателей Земли, хотя и знал, что двигатели до сих пор работают на полную мощность. Атмосфера Земли исчезла, и нечему стало рассеивать свет плазмы. Землю покрывали странные, полупрозрачные желто-зеленые кристаллы. Они состояли из твердого кислорода и азота, то были остатки нашей замерзшей атмосферы.

Интересно, что замерзшая атмосфера не покрыла ровным слоем поверхность. Она образовала неправильной формы возвышения, похожие на холмы. Замерзшая поверхность моря, некогда плоская и гладкая, теперь вздыбилась и создала фантастический пейзаж. Над головой через все небо протянулся

неподвижный Млечный Путь, будто и он тоже замерз. Но звезды горели ярко, слишком ярко, на них невозможно было долго смотреть.

Двигателям Земли предстояло работать без перерыва следующие пятьсот лет, разгоняя планету до 0,5 процента скорости света. Земля будет мчаться с этой невероятной скоростью тринадцать сотен лет. Она пройдет две трети своего пути, а потом мы изменим направление тяги Двигателей Земли, и Земля начнет период торможения длиной в пятьсот лет. После путешествия длиной в двадцать четыре сотни лет Земля наконец достигнет Проксимы Центавра. Еще через сотню лет она выйдет на устойчивую орбиту вокруг звезды и станет одним из ее спутников.

Я знаю, что забыт.

И все же – время длится.

Но кликните меня,

Когда восток вновь солнцем озарится.

Я знаю, что забыт.

Я улетел – как не был.

Но кликните меня,

Когда увидите вновь голубое небо.

Я знаю, что забыт.

И Солнце умирает.

Но кликните меня,

Когда цветы распустятся и небо засияет!

Всякий раз, когда я слышу эту песню, тепло разливается по моему негнущемуся, стареющему телу, и мои старые сухие глаза наполняются слезами. Внутренним взором я вижу, как три золотистых солнца альфы Центавра одно за другим поднимаются над горизонтом, заливая все своим теплым светом. Твердая атмосфера растаяла, и небо снова стало голубым и ясным. Семена, высаженные две тысячи лет назад, прорастают сквозь оттаявшую почву, вдыхая новую жизнь

в землю. Я вижу своих праправнуков, своих потомков через сто поколений, играющих и смеющихся на зеленой траве. Чистые реки текут по лугам, полные маленьких серебристых рыбок. Я вижу Кайоко, прыжками несущуюся ко мне по зеленой земле. Она молода и прекрасна, как ангел...

Ах, Земля, моя странствующая Земля...

Гора

Глава 1

Там, где есть гора

– Сегодня тот день, когда я наконец-то заставлю вас рассказать мне, почему вы никогда не сходите на берег, – заявил Капитан и выгнул дугой бровь. – Прошло уже пять лет, и «Блувотер» швартовалась в бог знает скольких портах, в таком количестве стран, что и не сосчитать, но вы никогда не сходили на берег. Даже когда мы возвращались в Китай. И даже в прошлом году, в Циндао, где мы делали капитальный ремонт. Уж вам-то мне не нужно рассказывать, какой хаос царил на корабле и как было шумно, но все равно вы остались на борту и два месяца просидели в своей каюте, – продолжал Капитан, пристально глядя на Фэн Фаня.

– Я напоминаю вам того парня, Тима Рота, который играл в фильме «Легенда-1900»? – вместо ответа спросил Фань.

– Вы хотите нам внушить, что, если мы когда-нибудь потопим «Блувотер», вы планируете утонуть вместе с судном, как он? – парировал Капитан, не понимая, шутит Фань или нет.

– Я перейду на другой корабль. На океанографических судах всегда найдется место для инженера-геолога, который никогда не покидает корабль, – ответил Фань.

Капитан вернулся к прежней теме:

– Тогда, естественно, возникает вопрос: на суше есть нечто такое, что не дает вам сойти на берег?

– Напротив, – ответил Фань. – Там есть нечто такое, по чему я стосковался.

– И что это? – спросил Капитан с любопытством, но не проявляя нетерпения.

– Горы, – произнес Фань, и его взгляд устремился куда-то в бесконечную даль.

Они стояли у левого борта на океанографическом и геологическом научном судне «Блувотер», глядя на экваториальные воды Тихого океана. Корабль пересек экватор в первый раз всего год назад. Тогда они поддались капризу и отметили это событие, устроив древний ритуал пересечения линии экватора. Однако потом они открыли месторождения марганца на морском дне, и это привело к тому, что им пришлось пересекать экватор много раз, никто из них и вспомнить не мог, сколько именно. К этому моменту они уже почти забыли о существовании этой невидимой разделительной линии.

Когда солнце медленно опустилось в море на западе, Фань заметил, что океан необычно спокоен. Собственно говоря, он еще никогда не видел его таким спокойным. Он напоминал ему озера в Гималаях, идеально неподвижные, черные, похожие на глаза Земли. Однажды он с двумя своими друзьями подглядывал за тибетской девушкой, купающейся в одном из таких озер. Несколько пастухов заметили их и погнались за ними с кинжалами в руках. Не догнав их, пастухи начали швырять камни. Невероятная точность попаданий вынудила Фаня и его сообщников сдаться. Пастухи окинули их оценивающими взглядами и в конце концов отпустили.

Фэн Фань помнил, что один из них пробормотал на тибетском языке: «Не местные, они, конечно, не могли бежать быстро здесь, в горах».

– Вы любите горы? Так вот где вы выросли? – прервал Капитан воспоминания Фаня.

– Нет, вовсе нет, – объяснил Фэн Фань. – Люди, всю жизнь живущие в окружении гор, обычно их совсем не любят. Они в конце концов начинают считать горы преградой между собой и миром. Я знал одного шерпа, который сорок один раз восходил на Эверест, но каждый раз, когда его группа приближалась к вершине, он останавливался и смотрел, как другие преодолевают последний отрезок. Он просто не давал себе труда добраться до вершины. Вы не подумайте, он мог бы легко совершить восхождение и по северному, и по южному склону всего за десять часов... Есть всего два места, где можно по-настоящему ощутить истинную магию гор: глядя на них издалека, с равнины, и стоя на вершине, – продолжал Фэн Фань. – Моим домом была обширная равнина Хэбэй. На западе я видел горы Тайханшаня, но между ними и моим домом простиралось огромное пространство абсолютно плоской земли без каких-либо препятствий или ориентиров. Вскоре после моего рождения мать в первый раз вынесла меня из дома. Моя голова едва держалась на крохотной шее, но уже тогда я повернул ее на запад и залепетал, выражая свой восторг. Как только я научился ходить, то первые неверные шаги сделал по направлению к этим горам. Когда стал немного старше, однажды рано утром пустился в путь и пошел вдоль железной дороги Шицзячжуан – Тайюань. Я шел до полудня, потом жалобы моего желудка заставили меня повернуть обратно, а горы по-прежнему казались бесконечно далекими. Когда я учился в школе, то отправился к горам на велосипеде, но как бы быстро я ни крутил педали, горы, казалось, с такой же скоростью удалялись от меня. Я никогда ни на дюйм к ним не приближался. Много лет спустя далекие горы снова стали символом моей жизни, как и очень многие вещи, которые мы ясно видим, но до которых никогда не можем дотянуться, – подобные далеким хрустальным мечтам.

– Я там однажды побывал, – заметил Капитан, качая головой. – Горы совсем голые, их покрывают лишь россыпи камней и дикие травы. Тебя бы ожидало разочарование.

– Я не разочаровался. Мы с вами по-разному чувствуем такие вещи. Я видел только гору и хотел одного – взойти на нее. Я ничего не хотел найти на той горе. Когда я впервые взобрался на эти горы и увидел расстилающуюся подо мной равнину, то почувствовал себя так, будто родился заново. – Когда Фэн Фань замолчал, то осознал, что Капитан не обращает внимания на его слова, он смотрит на небо, пристально рассматривая усеявшие его звезды.

– Вон там, – сказал Капитан и ткнул трубкой в небо. – Там не должно быть звезды.

Но звезда там была. Она была бледной, едва видимой.

– Вы уверены? – Фэн перевел взгляд с неба на Капитана. – Разве GPS не покончил с секстантами? Вы так хорошо знаете звезды?

– Конечно, знаю, – ответил Капитан. – Это основной элемент профессии мореплавателя. – Повернувшись опять к Фэну, он вернулся к прежней теме разговора: – Но вы говорили...

Фэн Фань кивнул.

– Позже, в университете, я собрал группу альпинистов, и мы поднялись на несколько семитысячников. Нашей последней целью стал Эверест.

Капитан внимательно всмотрелся в лицо Фэн Фаня, потом сказал:

– Я так и думал! Это действительно вы! Мне всегда казалось, что ваше лицо мне знакомо. Вы сменили имя?

– Да, раньше меня звали Фэн Хуабэй.

– Несколько лет назад о вас много говорили. Значит, то, что о вас говорили журналисты, правда? – спросил Капитан.

– В основном да. Во всяком случае, те четверо альпинистов, несомненно, погибли из-за меня, – мрачно ответил Фэнь.

Чиркнув спичкой, чтобы раскурить трубку, Капитан продолжал:

– Я думаю, что быть руководителем группы альпинистов почти то же самое, что быть капитаном: самое трудное – решить, когда следует продолжать бороться, а когда надо бы отступить.

– Но если бы я отступил тогда, было бы очень трудно повторить попытку, – тут же ответил Фань. – Восхождение – очень дорогостоящее мероприятие, а мы были всего лишь студентами. Нам нелегко было найти спонсоров. – Он помолчал, глубоко вздохнул. – Проводники, которых мы наняли, отказались идти дальше, и

поэтому нам потребовалось гораздо больше времени, чем мы ожидали, чтобы добраться до места, где мы разбили первый базовый лагерь. Прогноз погоды предвещал бурю, но мы изучили снимки и карты и пришли к выводу, что у нас есть еще, по крайней мере, двадцать часов до ее начала. Но потом, когда мы уже разбили второй лагерь на высоте двадцать шесть тысяч футов, мы решили, что сможем подняться на вершину, если выйдем немедленно. Скажите мне, как мы могли тогда отступить? Мы даже не подумали о том, чтобы сдаться, и продолжили восхождение.

- Та звезда становится все ярче, - сказал Капитан, снова глядя вверх.

- Конечно. Небо становится темнее, - отмахнулся Фань.

- Мне кажется, причина не в этом, - заметил Капитан. - Но продолжайте.

- Вероятно, вы знаете, что произошло дальше: когда разразилась буря, мы находились около так называемой китайской лестницы, второго участка подъема по вертикальной стене горы на высоте двадцать восемь с половиной тысяч футов. До вершины было почти рукой подать, и не считая цепочки облаков, выплывающих с другой стороны пика, небо все еще оставалось идеально голубым. Я до сих пор ясно помню, как подумал, что пик Эвереста похож на лезвие ножа, вспоровшего небо, и теперь из раны хлещет светлая кровь. - Это воспоминание заставило Фаня помолчать, потом он продолжил рассказ: - Всего через несколько секунд всякая видимость пропала; буря обрушилась на нас с ясного неба, подняла тучи снега. Все окутала непроницаемая белизна, не уступающая непроглядному мраку. У меня на мгновение остановилось сердце, я почувствовал, как остальных четырех членов моей группы сдувает со скалы. Они висели на моей веревке, а я держался только на своем ледорубе, воткнутом в трещину в стене. Он просто мог не выдержать веса пятерых человек. Я действовал инстинктивно: перерезал ремень скобы, удерживающей веревку. Я позволил им упасть. - Он заколебался, с трудом сглотнул. - Останки двух из них до сих пор не нашли.

- Значит, погибли четверо, а не все пятеро, - сухо заметил Капитан.

- Да, я поступил в соответствии с правилами безопасности альпинистов. Но все равно, я до сих пор несу этот крест. - Фань снова замолчал, на этот раз его отвлекли не воспоминания, а нечто другое. - Вы правы. В этой звезде есть что-то

странное. Она явно становится все ярче.

– Не важно, – сказал Капитан. – Ваше нынешнее... – он сделал паузу, поджал губы, – ...скажем так – «состояние» имеет отношение к тому, что произошло тогда?

– Нужно ли мне говорить об этом? Вы должны помнить всеобщее порицание и убийственное презрение, которые обрушили на меня тогда средства информации, – напомнил ему Фань. – Они говорили, что я поступил безответственно, что я трусливый эгоист, что я пожертвовал своими четырьмя спутниками ради спасения собственной жизни. – Он явно до сих пор страдал. – Я решил, что смогу хотя бы избавиться себя от этого последнего обвинения, поэтому надел снаряжение альпиниста и очки. Приготовившись, я пошел в университетскую библиотеку и залез по трубе на крышу. Я уже собрался прыгнуть вниз, когда услышал голос одного из преподавателей. Я не заметил, что он поднялся на крышу вслед за мной. Он спросил меня, неужели я действительно хочу так легко слезть с крючка, не пытаюсь ли уйти от гораздо более сурового наказания, которое меня ждет. Когда я спросил, что он имеет в виду, он сказал мне, что таким наказанием стала бы жизнь, проведенная как можно дальше от гор. Больше никогда не увидеть гор – разве это не будет гораздо более страшным наказанием? Поэтому я не стал прыгать. Конечно, я вызвал этим еще больше насмешек, но я знал, что мой преподаватель прав: для меня это было хуже смерти. Восхождение на вершины составляло смысл моей жизни. Только ради этого я изучал геологию. Прожить теперь вдали от предмета моей страсти, испытывая муки совести, показалось мне справедливым наказанием. Именно по этой причине после окончания университета я устроился работать инженером-геологом на ваше судно. В океане, – со вздохом сказал он, – я теперь так далеко от гор, как только возможно.

Капитан долго смотрел невидящими глазами вдаль, не зная, что ответить. Наконец он пришел к выводу, что, наверное, лучше больше не говорить об этом. Словно по подсказке, что-то произошло в небе у них над головой и заставило их резко сменить тему.

– Посмотрите опять на ту звезду, – напряженным голосом произнес Капитан.

– Господи! – воскликнул Фань, тоже глядя вверх. – Она во что-то превращается!

Звезда уже не была точкой, теперь она стала маленьким, но быстро растущим диском. В одно мгновение она превратилась в удивительную сферу, сияющую синим светом.

Быстро приближающиеся шаги заставили их опять посмотреть на палубу. Это был Первый помощник, он бежал прямо к ним.

Еще издали он крикнул Капитану, задыхаясь:

– Мы только что получили сообщение! Корабль пришельцев приближается к Земле! Наше положение на экваторе позволяет нам ясно видеть его! Смотрите! Вот он!

Все трое подняли взгляд и увидели, что маленькая сфера продолжает быстро увеличиваться. Она уже раздулась до размеров Луны.

– Все станции прервали свои обычные передачи и теперь ведут о ней репортаж! – продолжал трещать Первый помощник. – Этот объект заметили раньше, но только теперь подтвердили его истинную природу. Он не отвечает на все попытки связаться с ним, но его траектория свидетельствует, что его движет какая-то огромная сила и он мчится прямо к Земле. Говорят, что он размером с Луну! – Он прижимал к голове наушник и напряженно слушал.

Корабль пришельцев уже перерос Луну; теперь он увеличился в десять раз, он грозно разрастался в небе и, казалось, был гораздо ближе, чем Луна. Крепко прижимая пальцем наушник, Первый помощник продолжал:

– Они говорят, что он остановился. Теперь он находится на геосинхронной орбите в двадцати двух тысячах миль над Землей. Он стал геостационарным спутником.

– Геостационарным спутником? Вы хотите сказать, что он собирается просто висеть над нами? – закричал Капитан.

– Собирается! Над экватором, прямо над нами! – подтвердил Первый помощник.

Фэн Фань уставился на этот громадный шар в небе; он выглядел почти прозрачным, наполненным невероятным синим светом. Пока Фань смотрел на него, у него возникало странное впечатление, будто он смотрит на сферу из морской воды. Всякий раз, когда исследовательский зонд с образцами поднимали со дна моря, его охватывало ощущение предстоящей встречи с какой-то тайной, чувство напряженного ожидания. И сейчас, глядя вверх, он чувствовал нечто очень похожее. Будто нечто давно забытое, из незапамятных времен, вернулось на поверхность.

– Смотрите, океан! – закричал Капитан, яростно тыча трубкой назад. – Что происходит с океаном? – Он первым вырвался из гипнотической власти гигантской сферы, действующей на них всех.

Там, куда он указывал, горизонт океана начал искривляться, загибаясь вверх, как синусоидальная волна. Этот громадный взлет воды быстро набирал высоту. Было похоже, что гигантская, хотя и невидимая рука тянется вниз из космоса, чтобы захватить в горсть океан.

– Это масса космического корабля! Его притяжение действует на океан! – воскликнул Фэн Фань, несколько удивленный, что у него сохранились достаточно умственных способностей, чтобы понять, что происходит.

Масса этого корабля, вероятно, равнялась массе Луны, но он находился в десять раз ближе! Им повезло, что он вышел на геосинхронную орбиту, та вода, которую он притягивает, будет оставаться на одном месте. Если бы космический корабль перемещался, он бы поднял и пустил по всей планете такую огромную приливную волну, что она бы смыла города и разрушила континенты.

Колоссальная волна к этому моменту взмыла до самого неба и приобрела форму конуса с плоской вершиной. Эта масса воды сияла синим светом, идущим от корабля в небе, а ее края горели ярко-красным огнем от заходящего солнца, которое сейчас скрылось за высокими волнами. Застывший холодный воздух у вершины конуса охлаждал пену и создавал поток туманных облаков, которые быстро таяли в ночном небе, словно кто-то проделал разрез в темных небесах. Фэн Фань почувствовал, как в его сердце проснулись воспоминания при виде всего этого. Его мысли вернулись назад, ко дню восхождения...

– Дайте мне его высоту! – крикнул Капитан, выдернув его обратно, в настоящий момент.

Через минуту кто-то крикнул:

– Почти тридцать тысяч футов!

Зрелище, которое они наблюдали, было самым устрашающим, подавляющим и великолепным из всех когда-либо открывавшихся глазам людей. Все стоящие на палубе застыли, словно замороженные.

– Должно быть, это судьба... – прошептал Фэн Фань, больше других очарованный его грандиозностью.

– Что вы сказали? – громко спросил Капитан, не отрывая глаз от вздымающейся воды.

– Я сказал, что это, должно быть, судьба, – повторил Фань.

Это и была судьба – это должно было быть судьбой. Он ушел в море, чтобы удалиться от гор, чтобы как можно большее расстояние отделяло горы от него; а теперь он стоял в тени горы, почти на тысячу футов выше самого Эвереста. Это была самая высокая гора на планете.

– Лево на борт! Полный вперед! Нам нужно убраться отсюда! – отдал приказ Капитан Старшему помощнику.

– Убраться отсюда? Это опасно? – спросил озадаченный Фэн Фань.

– Корабль пришельцев уже создал огромную область низкого давления. Сейчас формируется гигантский циклон. Я вам говорю, он может стать самым свирепым ураганом, какой когда-либо видел мир. Если он настигнет «Блувотер», нас просто оторвет от воды и понесет над ней, как лист по ветру. Я лишь молюсь, чтобы мы смогли его обогнать, – объяснил Капитан, у него на лбу явственно выступили капли пота.

В этот момент Первый помощник подал всем знак замолчать. Одной рукой прикрывая наушник, он напряженно слушал, а потом сказал:

– Капитан, ситуация гораздо хуже! Теперь они говорят, что пришельцы явились с целью уничтожить Землю! Самой своей огромной массой их корабль причиняет больше вреда, гораздо больше, чем просто рождает ураган, он вот-вот проделает дыру в атмосфере Земли!

– Дыру? Дыру куда? – спросил Капитан, широко раскрыв глаза.

Первый помощник пересказал то, что только что услышал по радио.

– Сила притяжения космического корабля пробьет верхние слои атмосферы. Из атмосферы Земли, как из проколотого воздушного шарика, вытечет воздух прямо в космос! Вся земная атмосфера исчезнет!

– Сколько у нас есть времени? – спросил Капитан, видя одну грозную опасность за другой.

– Специалисты говорят, что потребуется всего неделя, чтобы атмосферное давление упало до летального уровня. – Первый помощник рапортовал механически, но его безумный взгляд выдавал панику. – Они говорят, когда давление упадет до определенной точки, океаны вскипят, – продолжал он, его голос начал срываться. – Господи, это будет все равно что... – Слушая дальнейшие сообщения, он задрожал. – Все крупные города Земли погрузились в хаос. Человечество обезумело. Повсюду люди врываются в больницы и на заводы и расхватывают весь кислород, который могут достать. – Его глаза раскрывались все шире. – Погодите. Теперь говорят, что на Мыс Канаверал ворвалась обезумевшая толпа, которая пытается захватить жидкий кислород, использующийся в ракетном топливе. – Казалось, мужество покидает Первого помощника вместе с физическими силами. – О, все пропало!

– Неделя? Значит, мы не успеем добраться домой, – ровным голосом произнес Капитан. Казалось, к нему вернулось самообладание. Он быстро снова раскурил свою трубку.

– Да, мы не успеем добраться домой... – эхом отозвался Первый помощник, теперь его голос не выражал никаких чувств.

– Если нам это суждено, то можно с тем же успехом смириться и наилучшим образом использовать оставшееся нам время, – заметил Фэн Фань, в его голосе внезапно прозвучал энтузиазм. Все его тело готовилось к предстоящему событию, его охватило волнение.

– И что вы намереваетесь делать? – спросил Капитан.

– Подняться на гору, – с улыбкой ответил Фань.

– Подняться на гору? Подняться?.. – Лицо Первого помощника вдруг исказилось, на нем выражение изумления сменилось настоящим шоком. – На ту гору? – ахнул он, указывая на водяную гору, нависшую над ними.

– Да. Это сейчас самый высокий пик на планете. Там, где есть гора, всегда найдется тот, кто на нее поднимется, – спокойно ответил Фань.

– И как вы собираетесь на нее взобраться? – спросил Первый помощник.

– Разве не очевидно? Восхождение на гору – это нечто такое, что делают с помощью рук и ног, поэтому я поплыву, – с улыбкой сказал Фань.

– Вы сошли с ума? – закричал Первый помощник. – Как вы собираетесь вплавь подняться на склон водяной горы высотой тридцать тысяч футов? На мой взгляд, ее уклон равен сорока пяти градусам! Это совсем не то, что подниматься на гору. Вам придется плыть без остановки, а если вы остановитесь, хотя бы на секунду, вы соскользнете с нее вниз!

– Я хочу попытаться, – Фань не давал себя отговорить.

– Тогда пусть он это сделает, – решительно произнес Капитан. – Сейчас самое подходящее время, чтобы утолить свою страсть. Как далеко до подножия этой горы?

– Около дюжины миль, – ответил кто-то.

– Возьмите одну из спасательных шлюпок, – сказал Капитан Фэн Фаню. – Не забудьте взять с собой достаточный запас пищи и воды.

– Спасибо! – от всей души поблагодарил его Фань.

– Похоже, сегодня судьба вам улыбается, – произнес Капитан с лукавой улыбкой и хлопнул Фэн Фаня по плечу.

– Я тоже так думаю, – ответил Фань. – Капитан, я вам еще не сказал одну вещь: среди тех четырех альпинистов на Эвересте была моя девушка. Одна только мысль промелькнула в моей голове, когда я перерезал веревку: я не хочу умирать. Есть еще одна гора, на которую я должен взойти, – сказал он, в его глазах смешались боль и огонь энтузиазма.

Капитан кивнул:

– Вперед.

– А что нам делать? – спросил Первый помощник растерянно.

– Полный вперед, прочь от надвигающегося шторма. Еще один день жизни – это еще один день жизни, – задумчиво ответил Капитан.

Фэн Фань стоял в спасательной шлюпке и смотрел вслед уходящему вдаль судну. Вскоре корабль, который он раньше считал своим пожизненным домом, оказался воистину вне досягаемости.

У него за спиной водяная гора безмятежно возвышалась в синем сиянии инопланетного шара. Если бы он не видел, как шар появился, он мог бы подумать, что эта сфера висит там уже миллион лет. Океан был очень спокойным, его ровную поверхность не нарушала рябь волн. Однако Фэн Фань чувствовал легкий ветерок на лице; он был слабый, но дул по направлению к водяной горе. Подняв парус на спасательной шлюпке, он начал свое плавание к горе. Ветер вскоре окреп и надул парус лодки. Теперь нос спасательной шлюпки разрезал поверхность океана, словно нож, она неслась прямо к цели Фаня.

В конце концов, путешествие длиной в двенадцать миль заняло не больше сорока минут. Как только Фэн Фань начал ощущать, что корпус лодки поднимается по склону водяной горы, он прыгнул за борт в сверкающую синюю воду, освещенную сверху сиянием судна пришельцев.

Сделав несколько гребков, он стал первым человеком, который плывет вверх по горному склону.

Из своего положения он уже не видел вершины. Поднимая голову из жидкой горы, он видел лишь бесконечное пространство водяного склона. Он почти мог представить себе титана, который стоит за горизонтом и поднимает океан, будто огромное водяное одеяло.

Фэн Фань поплыл брассом, стараясь сберечь как можно больше энергии. Предостережение Первого помощника все еще было свежо в его памяти. Быстрый подсчет подсказал ему, что до вершины должно быть примерно восемь миль. На ровной поверхности воды его выносливость помогла бы ему легко проплыть это расстояние, но здесь ему приходилось иметь дело со склоном. Если он прекратит движение вверх, то соскользнет вниз. Одно это должно сделать достижение вершины почти невозможным. Но это не имело значения; сама попытка подняться на этот водяной Эверест была самым грандиозным свершением из всех, на которые он мог надеяться в своих мечтах альпиниста.

Пока эти чувства обуревали Фаня, у него были и другие, физические ощущения. Он почувствовал, как что-то тащит его тело вверх по склону. Казалось, плавание вверх не требует никаких дополнительных усилий. Оглядываясь назад, он видел спасательную шлюпку, которую оставил у подножия горы. Перед тем как покинуть ее, он спустил парус, и все же она плавала на склоне, странным образом держась на одном месте. Фань решил попробовать кое-что сделать.

Он перестал грести и начал внимательно наблюдать за окружающей его водой. Он не скользил вниз. Напротив, он держался на склоне так, будто склона вовсе не существовало! Фань хлопнул себя по лбу и выругал за глупость и себя, и Первого помощника: если океанская вода на склоне не стекает вниз, почему должен соскользнуть человек? Или лодка, если уж на то пошло?

Силу притяжения, направленную вниз по склону, нейтрализовала огромная масса сферы. Чем дальше вверх будет подниматься Фань, тем меньше будет

чувствовать притяжение Земли. Это означает, что угол наклона абсолютно не играет никакой роли. С точки зрения гравитации не существует ни водяного склона, ни горы в океане. Силы, действующие на человека, не отличаются от сил, действующих на ровной поверхности океана.

Теперь он знал, что покорит эту гору.

Он продолжал плыть вверх. Чем выше он поднимался, тем меньше сил тратил, грести ему становится все легче. Причина была в том, что его тело становилось все легче, ему все проще становилось выныривать на поверхность, чтобы сделать вдох. Вокруг Фань видел еще один признак уменьшения гравитации: чем выше он поднимался, тем медленнее оседали океанские брызги. Этот же феномен отражался на формировании и движении волн. Они тоже росли тем медленнее, чем выше он поднимался. На них уже почти не оказывало влияния бурное море, волны становились более тихими и спокойными, чем при нормальной гравитации.

Тем не менее океан вовсе не был спокойным. Ветер набирал силу, и на водяном склоне начали формироваться ряды волн. Освобожденные от большей части земного притяжения, эти волны вздымались очень высоко. Однако они не катились вверх по склону, как полноценные океанские валы; они представляли собой тонкие водяные слои, которые скручивались под собственным весом и медленно опадали. Как ни странно, они напоминали Фаню изящные, тонкие стружки дерева, которые снимает с поверхности океана невидимый рубанок. Волны никак не мешали его движению вверх. Напротив, они имели обратный эффект; поднимаясь к вершине, они уносили его вместе с собой, и он продолжал плыть вверх.

По мере того как притяжение земли ослабевало, стали происходить еще более странные вещи: вместо того чтобы подталкивать Фаня, волны теперь осторожно бросали его вперед. Не успевал он и глазом моргнуть, как чувствовал, что отрывается от поверхности воды и летит над ней, а потом его подхватывала следующая волна, и он снова летел по воздуху. Нежные, но могучие руки океана быстро перебрасывали его и несли вперед и вверх. Вскоре он обнаружил, что в таких странных условиях быстрее всего плыть стилем баттерфляй, и перешел на него.

Ветер вокруг него становился все сильнее. С другой стороны, сила гравитации оказывала на Фэн Фаня все меньшее влияние. Волны здесь легко вздымались на

высоту тридцати футов, а потом медленно опадали. Эти громадные валы также стали еще добрее, чем раньше, мягко переходили один в другой и совершенно беззвучно опадали. Единственным оставшимся звуком был вой нарастающего циклона.

Все больше теряющее вес тело Фаня прыгало с одного гребня волны на другой. Во время очередного прыжка он вдруг осознал, что дольше находится в воздухе, чем в воде. Здесь, наверху, он не мог понять, плывет он или парит. Снова и снова набегали тонкие волны и полностью окутывали его, затягивали в туннель, образованный медленно перекачиваемой водой. Медленно вздымающаяся крыша этих туннелей сияла синим светом. Сквозь эту тонкую водяную крышу он видел источник света – гигантский шар пришельцев, висящий в небе. Туннель из воды искажал форму космического корабля; Фэн Фаню казалось, что он видит его сквозь слезы в глазах.

Он взглянул на водонепроницаемые часы, которые носил на левом запястье. Он поднимался всего один час, и при такой превосходящей все его надежды скорости ему потребуется еще только один час, чтобы добраться до вершины.

Фань подумал о «Блувотере». Принимая во внимание нынешнюю скорость ветра, ураган должен всего через несколько секунд достичь максимальной силы. Корабль никак не смог бы обогнать надвигающийся циклон. Фаня поразила мысль, подобная молнии: Капитан совершил большую ошибку: ему следовало направить судно прямо к водяной горе. Поскольку гравитация не действовала вниз по склону, судно могло бы плыть вверх к вершине так же легко, как по ровному океану, и этот пик оказался бы в оке шторма, где безопасно и спокойно! Как только он это понял, он достал из спасательного жилета свой «воки-токи». Но его попытки связаться с кораблем были напрасными, тот не отвечал.

К этому моменту Фэн Фань овладел искусством прыгать с одного гребня волны на другой. Двадцать минут он поднимался таким образом, и уже преодолел две трети пути до вершины. С этого места казалось, что до идеально круглой вершины уже рукой подать. Она сверкала в мягком свете космического корабля пришельцев над ней. Фаню казалось, что эта вершина похожа на планету пришельцев, ожидающую его. В это мгновение свист ветра вдруг превратился в резкий вой. Этот устрашающий шум шел со всех сторон и сопровождался внезапным усилением ветра. Волны высотой в сорок футов – и даже в сто футов, – тонкие, как листы бумаги, высоко вздымались; но они не опадали, их в воздухе рвал в клочья штормовой ветер. Глядя вверх, Фэн Фань видел, что склон

над ним покрыт клочьями пены, оставшейся от гребней волн, они плясали на поверхности сумасшедший танец, подгоняемые ветром. Освещенные сиянием шара пришельцев, эти хаотичные всплески сверкали ослепительно-белым светом.

Наконец, Фань совершил свой последний прыжок. Тонкая волна высотой в сто футов подняла его в воздух. Ее разорвал в клочья сильный ветер в тот момент, когда он оторвался от ее гребня, и он почувствовал, что его несет к полосе волн, медленно катящихся перед ним. Эти волны выглядели, как гигантские прозрачные крылья, медленно раскрывающиеся, готовые его обнять. Как только вытянутые руки Фаня коснулись этих волн, они рассыпались и превратились в белый туман, их сверкающую хрустальную пленку разорвал яростный ветер. Это необычайное зрелище сопровождал странный звук, пугающе похожий на смех. Именно в этот момент падение Фаня прекратилось; его тело теперь обрело легкость, позволяющую ему парить. Бушующий океан внизу начал медленно удаляться, его подбросило в воздух, как перышко во время урагана.

Почти невесомого Фаня швыряли и вертели воздушные вихри. У него закружилась голова, ему казалось, будто сияющий шар пришельцев движется по спирали вокруг него. Когда он наконец сумел побороть головокружение, то понял с испугом, что действительно кружит в воздухе над вершиной водяной горы.

Отсюда, сверху, полосы из гигантских волн, катящихся вверх по склону горы, выглядели всего лишь длинными линиями. Они по спирали поднимались к ее пику, и от этого гора казалась титаническим водяным смерчем. Фэн Фань почувствовал, что круги, которые он описывает над вершиной, становятся все меньше, а скорость движения растет. Его несло прямо в центр циклона.

Когда Фань оказался точно в оке бури, он почувствовал вдруг, что ветер ослабел. Невидимая воздушная рука, державшая его, внезапно разжалась, и он стал падать на водяную гору, прямо в слабое синее сияние вершины.

Он стремительно погрузился внутрь горы, потом почувствовал, что снова поднимается на поверхность. Его окружала темнота, и на мгновение он испугался, что утонет. Охваченный паникой, Фань вдруг осознал, что ему грозит смертельная опасность: последний глоток воздуха он сделал до падения, на высоте тридцать тысяч футов! На такой высоте ему едва ли удалось вдохнуть хоть сколько-нибудь кислорода, а при минимальной гравитации здесь он мог

всплывать только очень медленно. Он боялся, что даже если будет грести вверх изо всех сил, запаса воздуха в его легких не хватит для подъема на поверхность.

Фэн Фаня охватило потустороннее ощущение «deja vu». Ему показалось, что он снова на Эвересте, в полной темноте, окутанный вихрями снежной бури, полностью во власти смертельного страха. В этот самый мрачный момент Фань увидел свет: несколько серебристых шаров плыло вверх рядом с ним. Самый крупный из шаров был примерно три фута в диаметре. Глядя на них, он вдруг понял, что это пузыри воздуха. Слабая гравитация позволяла гигантским пузырям возникать в океане. Собрав все оставшиеся силы, он ринулся к самому большому пузырю. Как только его голова проникла внутрь сквозь его серебристую оболочку, он снова смог дышать. Пока Фань медленно приходил в себя от головокружения, вызванного нехваткой кислорода, он обнаружил, что его всего поглотил этот воздушный пузырь. Он оказался в воздушной сфере, полностью окруженной водой, и, глядя вверх, видел сквозь верхнюю часть своего пузыря мерцающую рябь поверхности океана. По мере подъема к поверхности он ощутил, как внезапно уменьшилось давление воды, что вызвало быстрое увеличение его пузыря. По мере того, как пузырь рос, Фэн Фань не мог отделаться от впечатления, что застрял в праздничном прозрачном воздушном шарике, поднимающемся в небо.

Голубое мерцание волн над головой постепенно становилось все ярче, пока в конце концов оно не стало таким ослепительным, что Фаню пришлось отвести взгляд. В тот же момент пузырь лопнул с тихим треском. Фань достиг поверхности; но он продолжал движение вверх, слабая гравитация подбросила его на добрых три фута в воздух. Его падение обратно в воду не было резким, он мягко опустился на поверхность.

Во время этого спуска Фэн Фань заметил многочисленные красивые водяные сферы, падающие вместе с ним. Размеры этих сфер были очень разными, самая крупная размером примерно с футбольный мяч. Все они сияли и переливались синим светом, идущим от гигантского шара над ними. Присмотревшись, Фань увидел, что они состоят из многих слоев, и поэтому искрятся, как хрустальные. Эти сферы образовали брызги воды, вылетевшие из океана, когда он врезался в его поверхность. Низкая гравитация позволяла поверхностному натяжению этих капель свободно принять такую форму. Протянув руку, Фань дотронулся до одной из сфер. Она лопнула со странным металлическим звоном, совершенно не похожим ни на один звук воды, который он ожидал услышать. Не считая этих сфер, вершина водяной горы была совершенно спокойной, волны набегали со

всех сторон и сливались с ее склонами. Несомненно, это и был глаз бури, единственное спокойное место в окружающем хаосе.

Фоном этого спокойствия был ужасный рев – завывание циклона. Глядя вдаль, Фэн Фань обнаружил, что он вместе со всей горой воды находится в огромном «колодце». Стенки этого колодца состояли из вращающихся, пенистых вод циклона. Эти непроницаемые массы воды и ветра медленно кружились вокруг водяной горы. Когда Фань взглянул вверх, ему показалось, что они уходят прямо в космос. У верхнего края колодца сиял шар пришельцев. Этот гигантский светильник, висящий в космосе, освещал все внутри колодца. Фань увидел странные облака, образующиеся вокруг него. Они напоминали нити, сплетающие свободную сеть вокруг корабля пришельцев. Эти нити облаков ярко сияли, казалось, они светятся изнутри. Фань мог только догадываться, что они состоят из кристаллов льда, образовавшихся тогда, когда земная атмосфера вырвалась в космос. Хотя казалось, что они окружают космический корабль, между их паутиной и синим шаром должно было быть не меньше двадцати тысяч миль. Если его догадка верна, то атмосфера уже начала вытекать в пространство, и отверстие этого гигантского, вращающегося колодца – не что иное, как смертоносная дыра в оболочке Земли.

«Это не имеет значения, – подумал Фань. – Я добрался до вершины».

Глава 2

Разговор на вершине

Внезапно всепроникающий свет вокруг него изменился. Его мерцание начало тускнеть. Еще раз взглянув вверх, Фэн Фань увидел, что синий свет шара пришельцев погас. Его вдруг осенило, он понял, что это был за свет. Это был фоновый свет пустого экрана; весь корпус огромной сферы пришельцев был одним гигантским экраном. И в тот же момент на этом громадном экране появилось изображение. Это был снимок, сделанный с большой высоты, изображение человека, плывущего в океане, с поднятым к небу лицом. Этим человеком был Фэн Фань. Прошло тридцать секунд, потом изображение исчезло. Фань сразу же понял его смысл; пришельцы показали, что они его видят. Это заставило Фаня почувствовать себя так, будто он действительно стоит на крыше

мира.

На экране появились две строчки текста. В них содержались все знаки всех алфавитов, какие только доводилось видеть Фаню. Распознав слова «английский», «китайский» и «японский», он догадался, что это названия всех земных языков. Он также заметил темную рамку, перемещающуюся от одного слова к другому. Все это выглядело очень знакомым. Вскоре его догадка подтвердилась, так как он обнаружил, что эта рамка действительно следует за его взглядом. Он сосредоточил взгляд на иероглифах, обозначающих «китайский», и черная рамка остановилась на них. Он моргнул один раз, но ничего не произошло.

«Возможно, нужен двойной клик», – подумал Фань и моргнул дважды. Темная рамка вспыхнула, и гигантское меню языков на шаре закрылось. Вместо него появилось огромное слово на китайском языке.

– Привет!

– Привет! – крикнул Фань в небо. – Вы меня слышите?

– Мы вас слышим; нет необходимости кричать. Мы способны услышать взмах крыльев комара в любой точке Земли. Мы поймали электромагнитные волны вашей планеты и так выучили ваши языки. Мы хотим немного поболтать с вами.

– Откуда вы прилетели? – спросил Фань уже значительно тише.

На поверхности гигантского шара возник снимок, демонстрирующий плотное скопление черных точек. Эти точки соединялись сложной сеткой линий. От сложности этого изображения у Фаня закружилась голова. Это явно была какая-то карта звездного неба. Разумеется, одна из этих точек замигала серебристым светом, она становилась все ярче. К сожалению, Фэн Фань никак не мог понять, какая это звезда, но он был уверен, что она уже где-нибудь зарегистрирована. Астрономы Земли сумеют это понять. Вскоре шар снова показал изображения значков и букв, но звездная карта не исчезла. Она оставалась фоном, почти как на дисплее какого-то инопланетного компьютера.

– Мы возвели гору. Вы пришли и поднялись на нее.

- Восхождение на горы – мое страстное увлечение, – ответил Фань.

- Дело не в увлечении; мы должны подниматься на горы.

- Зачем? – спросил Фань. – На вашей планете много гор?

Он понимал, что это едва ли может быть самым необходимым занятием для человечества, но ему хотелось знать. Все, кого он знал, считали альпинизм глупым занятием, так почему не поговорить о нем с пришельцами? В конце концов, они только что утверждали, что им нравится восхождение; и, в конце концов, он забрался так далеко совершенно самостоятельно.

- Горы есть повсюду, но мы не поднимаемся на них, как это делаете вы.

Фэн Фань не мог понять, имели они в виду конкретное описание или это абстрактная аналогия. У него не было выхода, и пришлось признаться в своем невежестве.

- Значит, там, откуда вы прилетели, много гор? – Это был скорее вопрос, чем утверждение.

- Мы были окружены горой. Эта гора стала для нас тюрьмой, нам нужно было копать, чтобы подняться на нее.

Этот ответ ничего не объяснил Фаню. Он долго молчал, обдумывая то, что пытались сказать ему пришельцы.

Потом они продолжили.

Глава 3

Планета-пузырь

– Наша планета – очень простой мир. Это сферическое пространство, чуть больше 3500 миль в диаметре в ваших единицах измерения. Это пространство со всех сторон окружают каменные пласты. В каком бы направлении вы ни отправились, вы всегда упираетесь в сплошную каменную стену.

Естественно, это сформировало нашу первую модель космоса: мы предположили, что Вселенная состоит из двух частей. Первая часть – это пространство, диаметром 3500 миль, в котором мы живем; вторая – это окружающие его каменные пласты. Мы полагали, что камни бесконечно тянутся во всех направлениях. Поэтому мы представляли себе нашу планету, как полый пузырь в твердой Вселенной, и поэтому дали ей название Планета-пузырь, а такую космологию называем Теорией Твердой Вселенной. Конечно, эта теория не отрицает возможности существования других пузырей в нескончаемых пластах камней. Однако она не указывала, как близко или как далеко могут находиться эти другие пузыри. Это стало стимулом для наших исследовательских путешествий.

– Но нескончаемые каменные пласты не могут существовать; они бы рухнули под собственной силой тяжести, – возразил Фэн Фань.

– В прошлом мы ничего не знали о силах гравитации. Внутри Планеты-пузыря гравитации не было, и поэтому мы проживали жизнь, не ощущая ее воздействия. Мы узнали о существовании гравитации только много тысяч лет спустя.

– Так эти пузыри были планетами вашей твердой вселенной? Очень интересно, – сказал Фань. – Плотность в нашей Вселенной совершенно противоположная. Ваша вселенная должна быть почти точным негативом реальной Вселенной.

– Реальной Вселенной? Вы по своему невежеству считаете Вселенную только такой, какой знаете ее в данный момент. Вы понятия не имеете, какова реальная Вселенная, и мы тоже.

Получив выговор, Фань решил продолжать свои вопросы.

– На вашей планете был свет, воздух, вода?

– Нет, ничего подобного; и мы ни в чем этом не нуждались. Наш мир состоял полностью из твердых веществ. Там не было ни газов, ни жидкостей.

- Ни газов, ни жидкостей. Как же вы выживали? - спросил Фань.

- Мы - механическая форма жизни. Наши мышцы и кости сделаны из металлов, наш мозг похож на высокоинтегрированные чипы, а электричество и магнетизм - это наша кровь. Мы питались радиоактивной рудой из ядра планеты, а она обеспечивала нас энергией, необходимой для выживания. Нас не создали; мы эволюционировали естественным путем из чрезвычайно простых одноклеточных форм механической жизни, когда совершенно случайно радиоактивная энергия образовала в скалах р-п-переходы. Вместо вашего огня наши древние предки открыли использование электромагнетизма. Фактически мы так и не открыли огонь в нашем мире.

- Значит, там, должно быть, очень темно, - заметил Фань.

- Собственно говоря, там было немного света. Его создавала радиоактивность в стенах нашей планеты. Эти стены были нашим небом. Свет этого «неба» был очень слабым, и он постоянно менялся из-за колебаний радиоактивности. И все-таки это способствовало тому, что в процессе эволюции у нас появились глаза.

Поскольку в ядре нашей планеты отсутствовала гравитация, мы не строили стен. Наши города парили в тусклом, пустом пространстве, которым был наш мир. Они были примерно такой же величины, как ваши города, и издали они показались бы вам светящимися облаками.

Процесс эволюции механической жизни идет намного медленнее, чем эволюция основанной на углероде жизни, но в конце концов мы достигли той же цели другими средствами, и поэтому настал день, когда мы начали изучать нашу вселенную.

- Похоже, вы там страдали от тесноты. Вы именно так себя чувствовали? - спросил Фань, задумавшись над странными откровениями из сферы.

- «Теснота»... Это новое слово. Мы начали испытывать сильное желание увеличить наше пространство, гораздо более сильное, чем любое стремление вашего вида. Наши первые исследовательские путешествия в каменные пласты начались еще в древности. Исследовать мир для нас значило пробивать туннели в стенах в попытках найти другие пузыри в нашей твердой вселенной. Мы

сложили много прекрасных, заманчивых легенд об этих далеких мирах, и почти вся наша литература рассказывала фантастические истории о других пузырях. Вскоре, однако, исследования объявили незаконными и запретили под страхом смерти от короткого замыкания.

– Объявили незаконными? Ваша церковь? – высказал предположение Фань.

– Нет, у нас нет церкви. Цивилизация, которая не видит солнца и звезд, не имеет религии. У нашего сената была очень веская причина запретить рыть туннели: в нашем распоряжении не было того почти безграничного пространства, которое есть у вас. Наше существование было ограничено этим пузырем диаметром в 3500 миль. Весь вынутый из туннелей щебень оставался внутри этого пространства. Так как мы считали, что пласты каменной породы бесконечно тянутся во все стороны, эти туннели могли стать очень длинными – такими длинными, что заполнили бы щебнем все пространство пузыря внутри нашей планеты! Другими словами, мы превратили бы полую сферу в середине нашей планеты в очень длинный туннель.

– Можно было найти решение этой проблемы: просто перемещать недавно вынутый щебень в уже образовавшееся пространство позади горнорабочих, – высказал предположение Фань. – Тогда вы бы потеряли только пространство, которое необходимо исследователям для поддержания жизни и проходки туннеля.

– Действительно, более поздние исследователи применили именно такой метод, который вы описали. Фактически исследователи использовали только маленький пузырь, в котором хватало места для них и их работы. Мы стали называть их «кораблями-пузырями». Но все равно каждое такое предприятие означало груду щебня размером с такой корабль-пузырь в нашем внутреннем пространстве, и нам надо было ждать возвращения такого корабля, чтобы потом вернуть эти камни в стену. Если такой корабль не возвращался, эта маленькая груда камней означала, что мы потеряли еще один небольшой кусочек пространства навсегда. В то время нам казалось, что корабль-пузырь похитил этот участок пространства. Поэтому мы дали нашим исследователям еще одно прозвище – «Похитители пространства».

В нашем мире клаустрофобии каждый дюйм пространства имел огромную ценность, и позже значительная часть нашей планеты была потеряна после того, как слишком много кораблей-пузырей не смогли вернуться. Именно из-за

такой потери пространства исследование с помощью кораблей-пузырей было запрещено в древности. Даже при отсутствии правового запрета жизнь в кораблях-пузырях была полна невообразимых лишений и опасностей. Экипаж такого корабля обычно состоял из нескольких горнорабочих и штурмана. В то время у нас не было бурильной техники, и нам приходилось копать вручную, это можно сравнить с греблей на ваших древних судах. Этим древним шахтерам приходилось копать без усталости самыми простыми орудиями, проталкивая свои корабли-пузыри сквозь пласты породы мучительно медленно. Работать подобно машинам в этих крохотных пузырях, окруженных со всех сторон сплошными скальными породами, в ужасной тесноте, в поисках ускользающей мечты – это, несомненно, демонстрация невероятной силы духа.

Поскольку корабли-пузыри должны были возвращаться тем же путем, каким они уходили, обратная дорога обычно была намного легче. Каменная порода на их пути уже была рыхлой. И все равно азарт первооткрывателей часто уводил корабли так далеко, благополучное возвращение становилось невозможным. У таких невезучих исследователей заканчивались силы и припасы, и они застревали на полпути обратно, а корабль-пузырь становился их могилой. Несмотря на все это и даже несмотря на значительно сократившийся масштаб наших исследований, наша Планета-пузырь никогда не отказывалась от мечты найти другие миры.

Глава 4

Красное смещение

– Однажды, в 33281 году Эры пузыря, выражаясь в терминах вашей хронологии, так как наше летоисчисление было бы для вас слишком чужеродным и вы бы его не поняли, крохотное отверстие начало открываться в каменном небе нашей планеты. Маленькая кучка камней выплыла из этого отверстия, их слабый радиоактивный свет сверкал, как свет звезды. Отряд солдат немедленно отправили в полет к этой трещине для ее изучения. (Не забудьте, что на нашей планете нет гравитации.) Они обнаружили исследовательский корабль-пузырь, который вернулся. Этот корабль стартовал восемь лет назад, и мы уже давно потеряли надежду на его возвращение. Этот корабль назывался «Острие иглы», и он проник на 125 миль в глубину скальной породы. Ни один другой корабль

никогда не возвращался после того, как забрался так далеко.

«Острие иглы» отправился в путь с экипажем из двадцати членов, но, когда он вернулся, на нем оставался лишь один ученый. Назовем его Коперником. Он съел всех остальных членов команды, включая капитана. В древности такой способ выживания считался самым эффективным для исследователей, отправляющихся в глубокие недра каменной породы.

За нарушение строгих законов, запрещающих исследования на кораблях-пузырях, и за каннибализм Коперника приговорили к смерти в столице. В тот день, когда приговор должны были привести в исполнение, больше 760 тысяч зрителей собралось на центральной площади столицы, чтобы увидеть казнь. Когда они ждали грандиозного зрелища казни Коперника посредством короткого замыкания, сопровождающегося красивым дождем искр, группа ученых выплыла на площадь. Они были членами Академии наук планеты и явились, чтобы объявить о потрясающем открытии: изучая плотность образцов камней, доставленных «Острием иглы», исследователи обнаружили нечто странное. К их огромному удивлению, данные показали, что плотность скальной породы постоянно уменьшалась по мере продвижения корабля сквозь камни.

– На вашей планете нет гравитации. Как вы могли измерить плотность? – перебил Фань.

– Мы использовали инерцию; это несколько сложнее ваших методов. Не важно, в то далекое время наши ученые думали, что «Острие иглы» просто наткнулся на неровный слой каменной породы. Однако в следующем веке легионы кораблей-пузырей отправились во все стороны, проникли глубже, чем это удалось «Острию иглы», и тоже вернулись с образцами. То, что они обнаружили, было невероятным. Плотность уменьшалась во всех направлениях, и существенно! Теория Твердой Вселенной, господствующая на Планете-пузыре в течение двадцати тысяч лет, была потрясена до основания. Раз плотность планеты постоянно уменьшается, если копать в направлении от ее ядра, то разумно считать, что она в конце концов станет равной нулю. Используя собранные данные, наши ученые легко рассчитали, что это должно произойти примерно на расстоянии двадцати тысяч миль.

– О, это очень похоже на то, как Хаббл использовал красное смещение! – воскликнул Фань, вспомнив это понятие.

– Действительно, очень похоже. Поскольку вы не могли представить себе, что скорость красного смещения превосходит скорость света, вы пришли к выводу, что оно означает край вселенной; и нашим предкам было очень легко понять, что зона с нулевой плотностью – это открытое пространство. Так родилась новая модель вселенной. Эта модель позволяла предположить, что плотность породы уменьшается пропорционально расстоянию от Планеты-пузыря, и в конце концов образуется отверстие в пространство, которое продолжается до бесконечности. Эта теория названа Теорией Открытой Вселенной.

Теория Твердой Вселенной тем не менее глубоко укоренилась в нашей культуре, и ее сторонников было больше. Вскоре они нашли способ спасти Теорию Твердой Вселенной: они выдвинули предположение, будто уменьшение плотности означает лишь, что сферический слой более рыхлой породы окружает Планету-пузырь. Если пройти сквозь этот слой, доказывали они, то дальнейшего уменьшения не будет. По их расчетам толщина рыхлого слоя равна двум сотням миль. Проверить эту теорию было, конечно, нетрудно; нужно только прорыть насквозь двести миль скальной породы. Корабли быстро прошли это расстояние, но падение плотности продолжалось. Тогда сторонники Теории Твердой Вселенной заявили, что их прежние расчеты ошибочны и истинная толщина слоя рыхлой породы равна тремстам милям. Через десять лет один корабль покрывал это расстояние, и снова уменьшение плотности продолжалось за его пределами. Тогда приверженцы традиционных взглядов увеличили слой рыхлой породы до девятисот миль...

В конце концов, невероятное, эпохальное открытие навсегда покончило с Теорией Твердой Вселенной.

Глава 5

Гравитация

Корабль-пузырь, который пересек отметку в двести миль, назывался «Ленточная пила». Это был самый большой исследовательский корабль, когда-либо построенный нами, оборудованный мощным экскаватором и новейшей системой жизнеобеспечения. Его режущие механизмы позволяли ему двигаться быстрее всех предыдущих моделей, созданных за всю нашу историю.

Когда он миновал глубину – или можно ее назвать высотой – в двести миль, главный научный сотрудник – назовем его Ньютоном – сообщил капитану корабля о совершенно загадочном явлении: всякий раз, когда члены экипажа отходили ко сну, они парили посередине судна, но просыпались, лежа на стенке туннеля со стороны их планеты.

Капитан не придавал этому значения; он пришел к выводу, что это результат тоски по дому у парящих во сне членов экипажа, только и всего. В его представлении они хотели вернуться на Планету-пузырь и поэтому всегда устремлялись во сне к дому.

Учтите, однако, что на Планете-пузыре нет воздуха, и в корабле-пузыре тоже. Это значит, что у них могло быть только два способа передвигаться: или отталкиваться от стенки – а это невозможно, когда члены экипажа парят в центре корабля, – или с силой избавляться от экскрементов, выбрасывая их из своих тел с ускорением. Однако Ньютон никогда не находил никаких следов, подтверждавших последнее.

И все равно капитан не хотел верить утверждениям Ньютона. Ему следовало бы поверить, так как именно такое безразличие вскоре привело к тому, что он оказался погребенным заживо. В тот день, когда это произошло, члены команды были совершенно измучены после завершения последней экскавации грунта и поэтому не убрали образовавшийся за день щебень в хвостовую часть корабля. Они планировали перенести камни на следующее утро, после отдыха. Капитан корабля присоединился к горнорабочим, и они все уснули в центре корабля. И все внезапно проснулись, будучи погребенными заживо! Во сне все они, вместе с камнями, переместились в хвостовую часть корабля-пузыря, ближе к Планете-пузырю. Ньютон очень быстро понял, что все предметы внутри корабля имеют тенденцию перемещаться в сторону планеты. Это движение было очень постепенным и едва заметным при обычных обстоятельствах.

– Значит, ваш Ньютон не нуждался в яблоке, чтобы открыть гравитацию, – пошутил Фань.

– Вы действительно думаете, что это было так просто? Для нас открытие гравитации – гораздо более сложный процесс, чем для подобных вам рас; так и должно было быть, учитывая среду, в которой мы обитали. Когда наш Ньютон открыл направленность притяжения, он невольно решил, что причиной его

является пустое пространство Планеты-пузыря диаметром 3500 миль; и поэтому наша первоначальная теория гравитации пострадала от довольно глупого предположения. Мы пришли к выводу, что именно вакуум создает гравитацию, а не масса.

– Я понимаю, как это произошло. В такой сложной среде, как ваша, разумеется, вашему Ньютону было гораздо труднее понять происходящее, чем нашему, – ответил Фань, кивая.

– Так и есть. Нашим ученым потребовалось полвека, пока они подошли к разгадке этой тайны. Только тогда они начали понимать природу гравитации, и вскоре мы получили возможность – используя приборы, похожие на ваши, – измерить гравитационную постоянную. И все равно процесс шел мучительно медленно, и прошло много времени, прежде чем теория гравитации нашла широкое признание в нашем мире. Однако когда это случилось, был вбит последний гвоздь в гроб Теории Твердой Вселенной.

Гравитация не позволяла допустить существования бесконечной, твердой вселенной вокруг нашего пузыря. Теория Открытой Вселенной наконец восторжествовала, и космос, который она описывала, вскоре стал могучей притягательной силой для обитателей нашего мира.

Кроме сохранения энергии и массы, физика Планеты-пузыря также подчинялась закону сохранения пространства. Прорытые в слоях скальной породы туннели не увеличили объем доступного пространства; они лишь изменили форму и местонахождение существующего пространства. Более того, мы жили в среде с нулевой гравитацией, и наша цивилизация парила в пространстве в ядре планеты. Мы ничего не прикрепили к стенам нашей планеты, и это можно было бы сравнить с тем, как вы живете на своей планете. Поэтому пространство было самым драгоценным предметом потребления на Планете-пузыре. Вся история нашей цивилизации была одной долгой и кровавой борьбой за пространство.

Теперь мы неожиданно узнали, что пространство, вполне возможно, бесконечно. Как это могло не свести нас с ума? Мы послали беспрецедентное количество исследователей, отправляли одну волну кораблей-пузырей за другой, и они копали все дальше, прочь от планеты. Они делали все от них зависящее, чтобы достичь того рая нулевой плотности, который, как предсказывала Теория Открытой Вселенной, можно найти за пределами 19 900 миль камня.

Глава 6

Ядро планеты

– На основании всего сказанного, если вы все поняли, вы теперь сумеете сделать вывод об истинной природе нашего мира.

– Ваш мир был полым ядром планеты? – высказал догадку Фань.

– Вы правы. Наша планета имеет приблизительно такой же размер, как Земля; ее радиус примерно равен пяти тысячам миль. Ядро нашей планеты, однако, полое. Это пространство в центре имеет диаметр примерно 3500 миль. Мы – это жизнь внутри этого ядра.

Даже после открытия гравитации все равно прошло еще много столетий, пока мы наконец поняли истинную природу нашей планеты.

Глава 7

Война пластов

После того как Теория Открытой Вселенной полностью утвердилась, нашей реальной целью стало проникнуть в бесконечное пространство за пределами планеты. Нас больше не волновал расход пространства внутри Планеты-пузыря. Массивные груды камней, выкопанные нашими многочисленными кораблями, вскоре заполнили пространство ядра. Эти обломки теперь плавали вокруг городов в виде огромных, плотных облаков. Положение стало настолько опасным, что просто проплыть вокруг города было так же сложно, как пройти по маршруту с препятствиями. И так как сами города тоже двигались в пространстве, на обитателей ядра обрушивались сокрушительные ливни из камней. Только половину пространства, украденного этими камнями, удалось вернуть.

В то время Правительство планеты решило сместить наш сенат. Его политики взяли на себя обязанность следить за пространством ядра и охранять его. Они попытались жестоко наказывать неистовых исследователей, но это почти ничего не дало. Корабли-пузыри большинства ученых уже проникли в глубокие слои нашей планеты.

Вскоре Правительство планеты осознало, что лучшим способом остановить корабли-пузыри было бы использование таких же кораблей-пузырей. Следуя этой логике, правительство начало строить армаду гигантских кораблей для перехвата, нападения и уничтожения кораблей ученых в глубоких слоях скальной породы. Правительственные корабли тогда смогли бы вернуть украденное пространство. Этот план, естественно, встретил сопротивление исследователей, и разразилась длительная Война пластов, которую вели на огромном поле боя в пластах скальных пород.

– Очень интересный способ вести войну! – воскликнул заинтригованный Фань, обращаясь к сфере.

– И очень жестокий, хотя сначала темп боя был вялым, мягко выражаясь. Бурильная техника в то время позволяла кораблям-пузырям двигаться в каменных пластах со скоростью меньше двух миль в час.

Большие корабли ценились больше всего обеими сторонами во время Войны пластов. Опять-таки причина была простой: чем больше корабль-пузырь, тем дольше он может действовать без дозаправки топливом; и также боеспособность корабля прямо пропорциональна его размеру.

Какими бы корабли времен Войны пластов ни были большими, их старались строить наименее широконосими. Опять-таки по очень простой причине: чем уже нос, тем меньший участок скальной породы приходится проходить и тем быстрее корабль продвигается вперед. В результате почти все боевые корабли были очень похожи друг на друга, если смотреть спереди. С другой стороны, корпус и длина у всех кораблей были совершенно разными. Самые большие корабли иногда напоминали очень длинные туннели.

Поле боя во время Войны пластов было, разумеется, трехмерным, и поэтому сражения велись почти так же, как их вели ваши военно-воздушные силы в воздушных боях, хотя у нас все было гораздо сложнее. Когда корабль

встречался с противником, то первым делом надо было увеличить ширину его носовой части. Это делалось для того, чтобы добиться самого широкого фронта для использования вооружения; в этой новой конфигурации корабль способен был приобретать форму, напоминающую гвоздь.

При необходимости носовую часть корабля-пузыря можно было разделить на много секций, и тогда она становилась похожей на когтистую лапу, готовую нанести удар. Такая конфигурация позволяла кораблю атаковать одновременно по многим направлениям. Сложность Войны пластов проявлялась также в использовании еще одной тактики: каждый корабль мог при необходимости делиться на много кораблей меньших размеров. Корабли также могли соединяться с другими судами и быстро превращаться в один гигантский корабль. Каждый раз при встрече с боевыми соединениями противника вопрос о том, объединяться или разделяться, становился предметом глубокого тактического анализа.

Что интересно, Война пластов почти не повлияла на тягу к дальнейшим исследованиям. Фактически война подстегнула техническую революцию, которая сыграла важную роль в наших будущих достижениях. Она не только стала причиной создания очень эффективных экскаваторов, но также привела к изобретению сейсмокопков. Эта технология могла использоваться для создания средств связи в каменных пластах и могла служить некой формой радара. Мощные сейсмические волны также применялись в качестве оружия. Самые сложные устройства сейсмической связи даже передавали изображения.

Самый большой боевой корабль, который мы построили, назывался «Линейный мир». Его постройку заказало Правительство планеты. В стандартной конфигурации длина «Линейного мира» была больше девяноста миль. Он соответствовал полученному названию: маленький, очень вытянутый в длину мир, автономный. С точки зрения его экипажа, служить на нем было все равно что для вас стоять в туннеле между Францией и Англией под Ла-Маншем; каждые несколько минут мимо проносились высокоскоростные поезда, уносящие выкопанную породу на корму корабля. Разумеется, «Линейный мир» мог сам разделиться на армаду судов, но в большинстве случаев он действовал как один боевой корабль. Естественно, он не всегда оставался в своей конфигурации «туннеля». При движении его вытянутый корпус мог сильно изгибаться, образуя замкнутую петлю, или даже пересекать свою собственную траекторию, создавая причудливые формы нанесения ударов по противнику. «Линейный мир» был оборудован новейшими экскаваторами, что позволяло ему двигаться вдвое

быстрее обычных кораблей-пузырей, развивать крейсерскую скорость до четырех миль в час. В бою он мог даже маневрировать со скоростью более шести миль в час! Более того, необычайно мощный сейсмоскоп был установлен в его корпусе, что позволяло ему засекал корабли противника на расстоянии более трехсот миль. Его сейсмическое волновое вооружение имело диапазон поражения в 3300 футов, и все живое и неживое внутри корабля-пузыря оказывалось разорванным в клочья или раздавленным. Время от времени «Линейный мир» возвращался на Планету-пузырь с грузом пространства, отвоеванного у исследователей.

Именно сокрушительные удары «Линейного мира» приблизили конец движения исследователей. Казалось, эпоха исследований вот-вот завершится.

Во время Войны пластов исследователи постоянно терпели поражения. Вероятно, еще важнее было то, что им не давали построить или сформировать корабль длиннее пяти миль. Любой более крупный корабль быстро обнаруживали сейсмокопы, установленные на «Линейном мире» и на стенах Планеты-пузыря. А как только его обнаруживали, его быстро уничтожали. И поэтому, если они хотели продолжать серьезные исследования, было необходимо уничтожить «Линейный мир».

После длительной подготовки и планирования более ста боевых кораблей Союза Исследователей, основанного почти побежденными исследователями, окружили и атаковали «Линейный мир». Каждый из этих кораблей был не длиннее трех миль. Сражение произошло в тысяче миль от Планеты-пузыря и получило название «Тысячемильная битва».

Сначала Союз собрал двадцать кораблей и объединил их в один корабль длиной в двадцать миль на расстоянии тысячи миль от Планеты-пузыря, провоцируя «Линейный мир» на атаку. «Мир» проглотил наживку и поспешил напасть, приняв конфигурацию туннеля. Когда он мчался к своей жертве, Союз выпрыгнул из засады. Более ста кораблей ринулись вперед, одновременно атакуя «Линейный мир» со всех сторон. Могучий девяностомильный корабль был расколот на пятьдесят секций. Тем не менее каждая из этих секций могла вести бой как самостоятельный боевой корабль. Вскоре более двухсот кораблей с обеих сторон уже вели яростную битву, рыли туннели в скальной породе в хаотичной и жестокой схватке. Боевые суда непрерывно соединялись и разделялись, и в конце концов сливались в аморфное облако судов, ведущих яростное сражение. В заключительной фазе этой битвы поле боя, размером в сто

пятьдесят миль, превратилось в неузнаваемые соты из рыхлой породы и пустого пространства, оставшегося после уничтоженных кораблей. Тысячемильная битва создала запутанный трехмерный лабиринт в 2250 милях ниже поверхности нашей планеты.

Яростный, непрерывный грохот сражения сотрясал это хаотичное поле боя, казалось, целую вечность. В таком отдалении от ядра планеты гравитация оказывала заметное влияние на ход сражения: исследователи были гораздо лучше знакомы с таким влиянием, чем правительственные войска. В этом колоссальном лабиринте боя именно это постепенно решило ход сражения в пользу Союза Исследователей. В результате они одержали решающую победу.

Глава 8

Под океаном

После этой битвы Союз Исследователей собрал все оставшееся после битвы пространство в одну сферу диаметром шестьдесят миль. В этом новом пространстве Союз провозгласил независимость от Планеты-пузыря. Несмотря на это заявление, Союз продолжал на расстоянии координировать свои усилия с движением исследователей Планеты. Постоянный поток их кораблей устремлялся из ядра и присоединялся к флоту Союза, унося с собой значительный объем пространства. Поэтому территория Союза Исследователей непрерывно росла, и это позволило им превратить свою территорию в полностью оснащенную всем необходимым базу для движения вперед. Правительство планеты, обессиленное многолетней войной, оказалось неспособным это остановить. В конце концов у них не осталось другого выхода, и они признали легитимность движения исследователей.

По мере проникновения во все более высокие слои исследователям стали встречаться все более пористые породы. И это было не единственное преимущество; растущая сила тяжести также намного облегчала уборку образовавшихся отходов, и эта только что обретенная среда приносила все новые успехи. На восьмой год после окончания войны первый корабль под названием «Спираль» пересек оставшиеся 2250 миль, и этим завершилось путешествие, длиной пять тысяч миль от центра планеты и 3250 миль от края

Планеты-пузыря.

– Ого! Это весь путь до поверхности! Наверное, вы были очень взволнованы, когда увидели великие равнины и настоящие горы! – воскликнул Фань, захваченный рассказом пришельцев.

– Ничего интересного не было; корабль «Спираль» достиг морского дна.

Шокированный Фань уставился на сферу пришельцев.

– Когда это произошло, изображения сейсмического коммуникатора начали дрожать и внезапно совсем исчезли. Коммуникатор перестал действовать. Корабль-пузырь, который рыл туннель сквозь камень под ним, ловил на сейсмоскопе только один странный звук: шум, который в открытом пространстве звучал бы так, будто с чего-то сдирают кору. Этот звук издавали тонны воды, врывающиеся в вакуум «Спирали». Ни одна форма механической жизни, как и техника Планеты-пузыря, не была рассчитана на контакт с водой. Мощный электрический ток, возникший при коротком замыкании, которое уничтожило живые существа и оборудование, почти мгновенно превратил в пар все, к чему прикасалась вода. Под напором воды экипаж и инструменты «Спирали» взорвались подобно бомбе.

После этого происшествия Союз отправил больше десятка кораблей-пузырей во все стороны от Планеты, но всех их постигала та же судьба, когда они достигали высоты, которую, казалось, преодолеть невозможно. Ни один из экипажей не смог оправдать свою жертву, отправив сведения, которые могли бы позволить нам понять природу этого таинственного звука. Дважды на мониторах можно было увидеть странную кристаллическую волну, но мы никак не могли понять ее природу. Следующие корабли пытались просканировать то, что лежало выше, при помощи сейсмоскопов, но их приборы давали искаженные данные; отраженные сейсмические волны показывали: то, что лежит дальше, не является ни пространством, ни скальной породой.

Эти открытия до основания потрясли Теорию Открытой Вселенной, и академические круги начали обсуждать возможность новой модели. Эта новая модель предполагала, что Вселенная ограничена радиусом в пять тысяч миль. Они пришли к выводу, что погибшие корабли исследователей соприкоснулись с краем Вселенной и погибли, когда их всосало за этот край.

Движение исследователей столкнулось со своим самым большим испытанием. До инцидента с кораблем «Спираль» пространство, добытое погибшими кораблями исследователей, всегда можно было сохранить, хотя бы теоретически. Теперь же наш народ вышел на край Вселенной. То пространство, которое она жадно поглощала, казалось навсегда потерянным. Это потрясло даже самых стойких исследователей. Вспомните, что в нашем мире, находящемся в глубине пластов скальной породы, потерянное пространство невозможно было снова обрести. Помня об этом, Союз решил отправить на поиски последнюю группу из пяти кораблей-пузырей. Когда эти суда достигли высоты в три тысячи миль, они стали продвигаться дальше с максимальной осторожностью. Если бы их постигла та же судьба, что и их предшественников, это означало бы конец движения исследователей.

Два корабля погибли. Однако третий, под названием «Каменный мозг», медленно рыл туннель вверх, проходя каждый фут скальной породы с исключительной осторожностью. Когда корабль достиг морского дна, воды океана не залили весь корабль, и поэтому он не разрушился сразу весь, как это происходило раньше. Морская вода просачивалась в крохотную трещину и лилась мощной, но узкой струей под напором колоссального наружного давления. Бимсы судна «Каменный мозг» были шириной 825 футов. По стандартам исследовательских кораблей это считалось большим размером, но оказалось невероятной удачей. Из-за размеров корабля прибывающей морской воде потребовался час, пока она заполнила внутренние помещения корабля. До соприкосновения с потоком воды сейсмокоп корабля зарегистрировал структуру океана над ним и успешно передал многочисленные данные и изображения ученым. Именно в тот день народ ядра впервые увидел жидкость.

Можно себе представить, что в Планете-пузыре могла в древности быть жидкость, но это было не что иное, как кипящая магма. Когда бурная геология в период формирования нашей планеты наконец-то успокоилась, эта магма, должно быть, полностью отвердела. В ядре нашей планеты не осталось ничего, кроме твердого вещества и пустого пространства.

Но все равно наши ученые давно предсказывали теоретическую возможность существования жидкостей, но никто реально не верил, что это легендарное вещество может действительно существовать во Вселенной. Теперь, однако, на этих переданных изображениях ученые ясно увидели его своими собственными глазами. И то, что они увидели, повергло их в шок: их шокировала белая, мощная струя, медленный подъем поверхности воды и картина того, как это

дьявольское вещество принимает любую форму, льнет к любой поверхности, бросая вызов всем законам природы. Они видели, как оно просачивается даже в самые крохотные трещины, и стали свидетелями того, как оно меняет саму природу камня, делает его темным, соприкасаясь с ним, и в то же время заставляет мерцать, как металл. Однако больше всего их завораживало то, что хотя большинство вещей исчезало в этом странном веществе, некоторые обломки членов экипажа и оборудования всплывали на поверхность! Казалось, ничто не отличало то, что всплывало, от того, что тонуло. Народ ядра дал этой странной жидкости название: «аморфный камень».

С этого момента исследователи опять стали добиваться многочисленных успехов. Сначала инженеры Союза Исследователей сконструировали некое подобие дренажной трубы. По существу, это был полый бур длиной 650 футов. После того как бур проходил последние пласты породы, его верхний конец можно было открыть наподобие клапана, и вода океана текла по трубе. Второй клапан установили в нижней части дренажной трубы.

Еще один корабль-пузырь поднялся на высоту три тысячи миль. Затем он начал сверлить этой дренажной трубой последние слои перед морским дном. Задача была несложной: в конце концов, техника бурения была хорошо знакома обитателям ядра. Однако еще один кусочек головоломки нуждался в технологии, о которой мы прежде никогда и не думали: в герметизации.

Так как на Планете полностью отсутствовали жидкости и газы, мы никогда не нуждались в технике герметизации, и даже не могли себе ее представить. В результате клапан в нижней части дренажной трубы оказался далеко не водонепроницаемым. Еще до того, как его открывали, он начинал пропускать воду внутрь корабля. Тем не менее нам и здесь очень повезло; если бы клапан открыли полностью, напор воды был бы гораздо сильнее, чем та струйка, которая просочилась через трещину в камне и попала в «Каменный мозг». Вода ворвалась бы в виде сконцентрированного потока воды, такого мощного, что разрезала бы все на своем пути, как луч лазера. А теперь вода просочилась сквозь пористый клапан гораздо более управляемой стружкой. Вы можете себе представить, как завораживающе подействовал на экипаж корабля вид тонкой струйки воды, текущей внутрь у них на глазах. Эта жидкость была для них совершенно незнакомой территорией, почти как электричество для людей когда-то в прошлом.

Осторожно наполнив металлический контейнер странной жидкостью, экипаж корабля вернулся в более низкие пласты, бросив в скальной породе дренажную трубу. Когда корабль вернулся, исследователи со всеми предосторожностями хранили странный образец в контейнере, стараясь его ничем не потревожить. Внимательно наблюдая за ним, они вскоре сделали первое новое открытие: аморфный камень был прозрачным! Когда они в первый раз увидели, как морская вода ворвалась сквозь трещину в камне, она, естественно, была сильно загрязнена осадочными породами и илом. Народ ядра принял это за естественное состояние аморфного камня. После этого открытия корабль продолжил спуск, и по мере спуска температура на борту повышалась.

Исследователи вдруг очень испугались, столкнувшись с еще более ужасным их открытием: аморфный камень был живым! Его поверхность взволновалась, начала кипеть от гнева, теперь он весь покрылся бесчисленными лопающимися пузырьками. Но прибывающая жизненная сила этого монстра, кажется, поглотила все его существо, его тело растворилось и превратилось в призрачную белую тень. Когда аморфный камень в контейнере преобразовался в это новое призрачное состояние, исследователи почувствовали, как их тела охватило странное чувство. За считанные секунды искры короткого замыкания вспыхнули внутри их тел, и их жизнь закончилась мучительным фейерверком.

Сейсмические волны транслировали это ужасное зрелище в Союз Исследователей до того самого момента, пока мониторы тоже не стали темными. Быстро отправленный на помощь корабль постигла такая же участь. Как только он соприкоснулся с обреченными судами, его экипаж также окутали искры фейерверка, и весь его экипаж умер в мучениях. Казалось, что аморфный камень превратился в духа смерти, нависшего над всем пространством. Однако ученые заметили, что вторая серия коротких замыканий оказалась совсем не такой интенсивной, как первые губительные взрывы. Они пришли к выводу: по мере увеличения площади пространства плотность аморфной тени смерти уменьшается.

Произошло много ужасных смертей, и было потеряно много жизней, но в конце концов Народ ядра открыл еще одно состояние материи, с которым раньше никогда не встречался: газообразное.

К звездам

Эти важные открытия даже подвигли Правительство планеты на воссоединение со своими старыми врагами, Союзом Исследователей. Теперь Планета-пузырь тоже предоставила свои ресурсы для общего дела, и начался период интенсивных исследований, который быстро принес результаты. Последний прорыв был уже близок.

Несмотря на то что мы стали лучше понимать природу водяного пара, нам все еще недоставало технологии герметизации, которая позволила бы ученым ядра защитить народ и технику. Тем не менее мы узнали, что на высоте больше 2800 миль аморфный камень остается мертвым и инертным, неспособным вскипеть. Чтобы изучить это странное новое состояние, Правительство планеты и Союз Исследователей построили лабораторию на высоте 2900 миль. И оборудовали ее постоянно действующей дренажной трубой. Здесь эксперты принялись всерьез изучать аморфный камень.

- Только тогда вы смогли заняться работой Архимеда, - вставил Фань.

- Вы совершенно правы, но вы не должны забывать, что наши далекие предки уже проделали работу Фарадея.

Побочным продуктом работы наших ученых в Лаборатории по изучению камня было их открытие давления воды и плавучести. Им также удалось разработать и усовершенствовать технологию герметичности, необходимую при работе с жидкостями. Теперь мы наконец поняли, что герметичная изоляция аморфного камня должна быть невероятно простым делом, это гораздо проще, чем бурить пласты камня. Для этого потребуется лишь достаточно герметичное и устойчивое к внешнему давлению судно. При отсутствии экскаваторов такое судно способно подниматься со скоростью, которая казалась почти невероятной Народу ядра.

- Вы построили ракету Планеты-пузыря, - с улыбкой заметил Фань.

- Скорее торпеду. Эта торпеда представляла собой металлический, выдерживающий давление контейнер в форме яйца без какого-либо приводного механизма или двигателя. Ею управлял один пилот. Назовем этого пионера

Гагариным. Установка для запуска этой торпеды была построена в просторном зале, вырытом на высоте три тысячи миль. За час до запуска Гагарин вошел в торпеду, и судно герметично закрыли. После проверки функционирования всех приборов и систем жизнеобеспечения автоматический экскаватор начал прокладывать дорогу сквозь оставшиеся тридцать футов каменного грунта, отделяющего зал запуска от морского дна над ним. С оглушительным ревом потолок рухнул под напором аморфного камня. Торпеда сразу же полностью погрузилась в море жидкости. Когда хаос немного успокоился, Гагарин смог наконец увидеть окружающий мир сквозь прозрачный иллюминатор из стали и камня. С изумлением он осознал, что два прожектора стартовой установки посылают лучи света сквозь аморфный камень. Внутри Планеты-пузыря, где отсутствует воздух, свет не мог рассеиваться и испускать лучи. Впервые один из нас видел свет таким образом. В тот же момент сейсмические волны передали Гагарину команду на запуск, и он потянул за спусковой рычаг.

Петли якоря, прижимающие дно торпеды к камню, открылись, и торпеда начала медленно подниматься со дна моря. Поглощаемая аморфным камнем, она поднималась, всплывая все быстрее.

Учитывая давление на уровне морского дна, нашим ученым было легко рассчитать, что океанское дно покрывает примерно шесть миль аморфного камня. Если не произойдет ничего неожиданного, торпеда всплывет на поверхность приблизительно за пятнадцать минут. Что она там встретит, никто не знал.

Торпеда взлетела вверх без помех. В свой иллюминатор Гагарин не видел ничего, кроме беспросветной тьмы. Только иногда ему удавалось заметить пылинку, проносящуюся мимо иллюминатора, и он понимал, как быстро поднимается.

Очень скоро Гагарина охватила паника. Он всю жизнь провел в твердом мире. Когда он сейчас вышел впервые в пространство, заполненное аморфным камнем, ощущение полной беспомощности и пустоты грозило захлестнуть все его существо. Пятнадцать минут показались ему бесконечностью. Гагарин изо всех сил старался сосредоточиться и думать только о ста тысячах лет исследований, которые привели к этому моменту.

И как раз в ту секунду, когда он уже готов был сломаться, его торпеда вынырнула на поверхность океана нашей планеты.

Под влиянием инерции торпеда взлетела на добрых тридцать футов над поверхностью воды, а потом рухнула обратно в море. Глядя в иллюминатор во время падения, Гагарин видел бескрайний аморфный камень, простирающийся в бесконечность, сверкающий странными искрами. Но он не успел увидеть, откуда идет этот свет; торпеда тяжело упала в океан с громким всплеском, и брызги аморфного камня разлетелись во все стороны.

Торпеда остановилась, она плавала на поверхности океана, как лодка, мягко покачиваясь на волнах.

Гагарин осторожно открыл люк торпеды и медленно приподнялся над судном. Он сразу же почувствовал порыв океанского ветра и после нескольких секунд растерянности понял, что это газ. Дрожь страха пробежала по его телу, когда он вспомнил поток водяного пара, который когда-то видел сквозь трубу из камня и стали в лаборатории. Кто мог предвидеть, что где-либо во Вселенной может быть так много газа? Вскоре Гагарин понял, что этот газ очень отличается от газа, испускаемого кипящим аморфным камнем. В отличие от последнего он не вызвал короткого замыкания в его теле.

В своих воспоминаниях он позже так описал эти события:

«Я почувствовал, как мое тело нежно погладила гигантская невидимая рука. Казалось, она протянулась вниз из огромного, бескрайнего и совершенно неизвестного места; и это место теперь было передо мной, оно превращало меня в нечто совершенно новое».

Гагарин поднял голову, и в тот момент, в том месте, он наконец получил награду за сто тысяч лет исследований нашей цивилизации: он увидел величественное, сверкающее чудо звездного неба.

Глава 10

Всеобщность гор

– Для вас это было действительно непросто. Вам пришлось вести исследования столько лет, чтобы добраться до нашей точки старта! – воскликнул Фань в восхищении.

– Вот поэтому вы должны считать себя очень счастливой цивилизацией.

Как раз в тот момент количество кристаллических облаков, образованных улетающей атмосферой, сильно возросло. Небеса сияли и искрились, расцвел блестящий радужный венок, когда сияние от корабля пришельцев растеклось по кристаллам льда. Внизу продолжал с грохотом вращаться гигантский колодец циклона. Он напоминал Фаню массивную машину, постепенно превращающую планету в пыль. Однако на вершине горы все полностью замерло. Даже крохотные волны ряби на ее поверхности исчезли. Океан застыл, как зеркало. И опять Фэн Фаню это напомнило о горных озерах в Северном Тибете...

Он с усилием заставил себя снова вернуться в реальный мир.

– Зачем вы сюда прилетели? – спросил он у сферы над своей головой.

– Мы просто пролетали мимо и хотели посмотреть, есть ли здесь разумная жизнь, с которой можно поговорить. Мы беседуем с тем, кто первым поднимется на эту гору.

– «Там, где есть гора, кто-нибудь обязательно поднимется на нее», – нараспев произнес Фань и кивнул головой.

– Действительно, разумной жизни свойственно взбираться на горы, стремиться подняться как можно выше и видеть как можно дальше. Это стремление никак не связано с требованиями выживания. Например, если бы ты стремился только выжить, ты бы бежал от этой горы со всех ног, как можно быстрее и дальше. Вместо этого ты решил подплыть к ней и взобраться на нее. Причина, по которой эволюция одаривает всякую разумную жизнь желанием подняться выше, гораздо глубже, чем простые основные потребности, хотя мы до сих пор не понимаем ее настоящую цель. Горы есть повсюду, и мы все стоим у подножия гор.

– Я сейчас на вершине горы, – перебил Фэн Фань. Он не мог стерпеть, чтобы кто-то, даже инопланетяне, усомнился в его славе человека, поднявшегося на самую

высокую гору на этой планете.

– Ты стоишь у подножия горы. Мы всегда у подножия. Скорость света – это подножие горы, и три измерения пространства являются подножием горы. Вы пленники глубокого ущелья из скорости света и трехмерного пространства. Разве вы не чувствуете... тесноты?

– Мы такими родились. Это то, что нам знакомо, – задумчиво ответил Фань.

– Значит, то, о чем я расскажу тебе дальше, может показаться совершенно незнакомым. Посмотри сейчас на Вселенную. Что ты чувствуешь?

– Она обширна, безгранична, что-то вроде этого, – ответил Фань.

– Она кажется тебе маленькой?

– Как я могу так думать? Вселенная перед моим взором простирается в бесконечность; ученые могут заглянуть в космос на двадцать миллиардов световых лет, – объяснил Фань.

– Тогда я тебе скажу: это не более, чем планета-пузырь радиусом в двадцать миллиардов световых лет.

Фань не нашел слов для ответа.

– Наша Вселенная – это пустой пузырь, пузырь внутри чего-то более прочного.

– Как это возможно? Разве это твердое вещество не рухнуло бы сразу же под действием собственной гравитации? – спросил сбитый с толку Фань.

– Нет, по крайней мере, пока нет. Наш пузырь продолжает расширяться в этом суперуниверсальном твердом веществе. Гравитационный коллапс – это проблема только для ограниченного твердого пространства. Однако если окружающее твердое пространство практически безгранично, тогда гравитационный коллапс не будет проблемой. Это, конечно, всего лишь догадка. Кто может знать, имеет ли эта твердая супервселенная свои границы?.. Так много простора для рассуждений. Например, можно выдвинуть теорию, что при

таком огромном масштабе гравитации противодействует какая-то другая сила, так же как электромагнетизму противодействуют силы ядра в микроскопическом масштабе. Мы не чувствуем этой силы, но, когда мы находились внутри Планеты-пузыря, мы не чувствовали гравитации. На основании собранных данных мы видим, что форма пузыря Вселенной близка к форме, которую предполагали ваши ученые. Просто вы пока не знаете, что лежит за его пределами.

- Что такое это твердое вещество? Это?.. - Фань на секунду заколебался. - Камень? - выговорил он наконец.

- Мы не знаем, но мы узнаем это через пятьдесят тысяч лет, когда доберемся до места назначения.

- Куда именно вы направляетесь? - спросил Фань.

- К краю Вселенной. Наш корабль-пузырь называется «Острие иглы». Ты помнишь это название?

- Помню, - ответил Фань. - Так назывался корабль, который первым открыл закон уменьшения плотности на Планете-пузыре.

- Правильно. Мы не знаем, что мы найдем.

- Есть ли в супервселенной другие пузыри? - спросил Фань.

- Ты уже загадываешь очень далеко вперед.

- Как можно иначе? - ответил Фань.

- Подумай о множестве маленьких пузырьков в очень большой массе камня. Они там, но их очень трудно найти. И все равно мы отправимся их искать.

- Вы поистине удивительные создания, - улыбнулся Фань, испытывая глубокое восхищение перед бесстрашными инопланетянами.

– Прекрасно, наша маленькая беседа была очень приятной, но нам надо спешить; пятьдесят тысяч лет – очень долгий срок, и мы зря тратим время, так сказать. Приятно было познакомиться: и запомни – горы есть повсюду.

Из-за плотности облаков из ледяных кристаллов последние слова прозвучали нечетко, их поглотили облака. И с этими последними словами гигантский шар тоже начал медленно тускнеть, он уменьшался в размерах и исчезал в небе. Вскоре он сжался до размеров точки, стал еще одной звездой в бескрайнем небе. Он улетал гораздо быстрее, чем прилетел, и через несколько секунд совсем пропал за западным горизонтом.

Все пространство между небом и океаном снова стало угольно-черным. Облака из ледяных кристаллов и колодец циклона поглотила тьма, остался только след от кружащегося черного хаоса, едва заметный в небе над головой. Фэн Фань слышал, как быстро стихает рев бури. Вскоре он превратился в едва слышный шепот, и даже этот шепот затих. Остался только шум волн.

Фэн Фань внезапно почувствовал, что он падает. Оглядываясь вокруг, он увидел, что океан начал постепенно меняться. Идеально округлая вершина водяной горы становилась плоской, будто раскрывался гигантский зонт. Он понимал, что водяная гора разрушается и он падает с высоты добрых тридцать футов. Через несколько минут вода, в которой он плавал, прекратила падение, достигнув уровня морского дна. Инерция падения унесла его глубоко вниз.

К счастью, он на этот раз погрузился не очень глубоко и быстро вынырнул на поверхность.

Оказавшись на поверхности, он понял, что водяная гора полностью исчезла в океане, от нее не осталось никакого следа, будто ее никогда и не было. Циклона тоже больше не существовало, хотя он до сих пор ощущал налетающие порывы ураганного ветра, поднимающего большие волны. Вскоре поверхность океана должна снова успокоиться.

Когда облака кристаллов рассеялись, величественное звездное небо снова засияло над его головой.

Фэн Фань смотрел на звезды и думал о той далекой планете, очень, очень далекой, – такой отдаленной, что даже свет того дня, наверное, выбился из сил,

пока добрался до Земли. Там, в океане далекого прошлого, Гагарин с Планеты-пузыря поднял голову к звездам, как это сделал сейчас Фань; и сквозь одиночество пространства, сквозь бесплодность времени он ощутил, как прочное родство соединило их души.

Фань внезапно почувствовал приступ тошноты, его вырвало. По вкусу рвоты он понял, что это кровь. На расстоянии многих миль над уровнем моря, на вершине водяной горы, у него началась горная болезнь. Отек легких вызвал кровотечение. Он сразу же понял серьезность своего положения. Внезапное увеличение силы тяжести лишило его сил, он не мог двигаться. Только спасательный жилет держал его на плаву. Он понятия не имел о судьбе «Блуводера», но был почти уверен, что никаких судов не могло быть на расстоянии по крайней мере полумили от него.

Когда Фэн Фань находился на вершине, он чувствовал, что его жизнь пришла к завершению. Там, наверху, он мог уйти с миром. Теперь неожиданно он стал бояться умереть больше, чем любой другой житель этой планеты. Он поднимался на скалистую крышу нашей планеты, а теперь он еще и взошел на самый высокий водяной пик, когда-либо существовавший на планете.

На какую гору он мог бы еще взойти?

Ему нужно выжить; он должен это узнать. Первобытный страх перед метелью Гималаев вернулся. Когда-то этот страх заставил его перерезать веревку, соединяющую его со спутниками и возлюбленной. Он решил их судьбу. Теперь он знал, что поступил правильно. Если бы у него еще осталось нечто такое, что он мог предать, чтобы спасти свою жизнь, он бы совершил это предательство.

Он должен жить. Где-то там есть целая вселенная гор.

Солнце Китая

Пролог

Шуй Ва взял маленький сверток из дрожащих рук матери. В нем лежала пара туфель на толстой подошве, сшитая ею самой, три приготовленные на пару булочки, две куртки в многочисленных заплатках и двадцать юаней. Отец сидел на корточках у дороги и молча курил трубку с длинным чубуком.

– Наш сын покидает дом. Если ты сделаешь доброе лицо, это тебя убьет? – упрекнула его Ма. Не получив ответа, она прибавила: – Прекрасно, не отпускай его. У тебя есть деньги, чтобы построить ему дом и найти жену?

– Так пускай едет! На восток, на запад, все они уезжают в конце концов! Лучше бы я вырастил выводок щенков! – рявкнул Па, не поднимая глаз.

Шуй посмотрел на деревню, в которой родился и вырос. Обреченные на вечную засуху жители деревни еле выживали с теми каплями воды, которую им удавалось собрать в цистерны. У семьи Шуя не было денег на строительство цистерны из цемента, и им приходилось довольствоваться земляной. В жаркие дни вода воняла. В прошлые годы грязную воду еще можно было пить после кипячения, она была только слегка горьковатой и вязущей на вкус. Но в это лето даже от кипяченой воды у них начинался понос. От местного военного врача они слышали, что в воду просочился из земли какой-то токсичный минерал.

Бросив последний взгляд на отца, Шуй повернулся и зашагал прочь. Он не оглядывался. Не ожидал, что Па будет смотреть ему вслед. Когда Па чувствовал себя несчастным, он сидел, сгорбившись, со своей трубкой часами, не двигаясь, будто превратившись в комок грязи на желтой земле. Но он все равно ясно видел лицо Па, или, наверное, лучше сказать, что он по нему шагал. Вокруг него простирался Северо-Западный Китай, обширное пространство выжженной охры, испещренное трещинами и оврагами в результате эрозии. Разве лицо старого крестьянина чем-то от него отличалось? Деревья, почва, дома, люди – все было почерневшим, пожелтевшим, изборожденным морщинами. Он не видел глаз на этом лице, которое тянулось до горизонта, но чувствовал их присутствие, они смотрели в небо. В юности их взгляд был полон тоски по дождю; в старости стал остекленевшим.

Собственно говоря, это гигантское лицо всегда было хмурым и бесстрастным. Он не верил, что эта земля когда-либо была молодой.

Налетел внезапный порыв ветра, и дорогу из деревни окутала желтая пыль. Шуй шел по этой дороге, делая первые шаги к своей новой жизни. Эта дорога должна была привести его в такие места, которые ему не снились даже в самом фантастическом сне.

Цель жизни № 1

Выпить воды, которая не горчит, заработать немного денег

– О, здесь так много огней!

К тому времени, когда Шуй подошел к скопищу многочисленных маленьких нелегальных угольных карьеров и обжиговых печей, из которых состоял квартал шахтеров, уже опустилась ночь.

– Здесь? Вряд ли. Вот в городе, там много огней, – сказал Го Цян, который вышел его встречать. Го был из той же деревни, что и Шуй, но он ушел из нее за много лет до него.

Шуй последовал за Го на ночевку в барак для рабочих. Во время ужина он с восторгом обнаружил, что вода имеет приятный сладкий вкус. Го сказал ему, что в этом районе пробурили глубокий колодец, поэтому вода, естественно, хорошая.

– Ты пойдешь в город, – прибавил он, – вот где сладкая вода!

Перед сном Го вручил Шую твердый узелок, который должен был служить ему подушкой. Он развернул его и увидел круглые палочки, покрытые черным пластиком. Отогнув пластик, он увидел, что палочки имеют желтоватый цвет и напоминают мыло.

– Динамит, – пробормотал Го, потом перевернулся на другой бок и захрапел. Шуй заметил, что голова Го покоится на такой «подушке». Под кроватью лежала стопка динамита, а пучок взрывателей болтался у него над головой. Позже Шуй узнал, что в бараке хранится столько динамита, что, если он взорвется, вся

деревня взлетит в небо. Го работал взрывотехником на руднике.

Работа на рудниках была тяжелой и утомительной. Шуй бегал туда-сюда, копал уголь, возил тачки, ставил опоры и выполнял различные другие задания. Он смертельно уставал к концу каждого дня. Но Шуй с детства привык к тяжелому труду, и он его не пугал. Пугали его условия в руднике. При спуске туда ему казалось, что он зарывается в темный муравейник. Сначала это ему казалось кошмарным сном наяву, но потом он привык и к этому. Ему платили сдельно, и он мог зарабатывать по 150 юаней в месяц. Мог даже заработать 200, если работа была хорошей. Его это вполне устраивало.

Но что устраивало Шуя больше всего, так это вода. После первого рабочего дня все его тело стало черным от сажи, и он пошел с другими рабочими в душевую. Войдя туда, он смотрел, как они тазиками набирают воду из большого бассейна. Потом ополаскивают тело, а вода стекает ручьями, омывая их с головы до ног, и черные струйки текут по земле. Он был поражен до глубины души. «Ма, как они могут вот так, зря, тратить такую вкусную воду?» По мнению Шуя, именно вкусная, свежая вода делала этот пыльный, почерневший мир несказанно прекрасным.

Однако Го настаивал, чтобы Шуй шел в город. Он до этого был там разнорабочим, но украл что-то на стройплощадке, и его записали в бродяги и отправили домой, по месту жительства. Он заверил Шуя, что тот сможет заработать в городе больше денег. Более того, он может это сделать, не угробив себя работой, как на руднике.

Шуй колебался, но пока он пытался принять решение, с Го произошел несчастный случай. Он убирал неразорвавшийся брусок динамита, а тот взорвался. Го пришлось выносить из рудника, все его тело было иссечено осколками камня. Перед смертью он повернулся к Шую и прохрипел:

- Иди в город... Там больше огней...

Цель жизни № 2

Идти в город, где больше огней и вода вкуснее, заработать больше денег

– Здесь ночью светло как днем! – воскликнул Шуй. Го не ошибся. В городе и правда огней больше. В тот момент он шел вслед за Младшим, неся на спине сундук с кремом для обуви. Они шли по главной магистрали столицы провинции к железнодорожной станции. Младший был родом из деревни по соседству с домом Шуя и когда-то работал в столице провинции вместе с Го. Несмотря на указания Го, Шуй потратил много времени, чтобы его отыскать. Оказалось, что Младший уже не работает на стройке, он переключился на чистку обуви. Но удача сопутствовала Шую: он не только нашел чистильщика обуви, но один из соседей по квартире Младшего, который занимался тем же, только что уехал домой по личным делам. Младший быстро познакомил Шуя с процессом чистки обуви, а потом велел ему взять сундучок этого соседа и следовать за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Планетники – сторонники идеи превращения Земли в космический корабль. Звездолетники выступают за то, чтобы эвакуироваться с Земли на специально построенных звездолетах.

2

Граница между мантией и ядром Земли.

Купить: https://tellnovel.com/ru/cysin_lyu/bluzhdayuschaya-zemlya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)